

ср
ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

11

2007

●

На первой и второй страницах обложки:

К фотоочерку С. Тишкевича «Каннибализм камчатских медведей»

Фотоконкурс «Охота и природа, 2007»

●

На четвертой странице обложки:

К статье Л. Гибет «10-я юбилейная все-российская выставка охотничьих собак»

Фото В. Животченко

Цитадель

охотоведческой науки

И. ДОМСКИЙ,
доктор ветеринарных наук,
В. ШИРЯЕВ,
доктор биологических наук

Всероссийскому научно-исследовательскому институту охотничьего хозяйства и звероводства — 85 лет

Институт был создан в 1922 г. при Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии в виде Центральной научно-исследовательской биологической станции, расположенной на территории Погонно-Островского лесничества под Москвой. В 1932 г. станция была преобразована во ВНИО пушного охотничьего хозяйства (ВНИПО) Наркомвнешторга СССР. В состав ВНИПО вошла сеть региональных зональных лабораторий, организованных в различных городах в 1928 г. (Казань, Новосибирск, Иркутск), а к 1940 г. в состав института входило уже 10 филиалов (отделений). В дальнейшем институт неоднократно менял свою ведомственную подчиненность и название: в 1946 г. Институт охотничьего промысла (ВНИО) подчинился Наркомзагу СССР; в 1956 г. функции упраздненного Министерства заготовок перешли Центросоюзу СССР, которому и стал подчиняться институт. После присоединения ЦНИЛ кожевенного сырья и шерсти к ВНИО наш институт сменил свое название на ВНИИЖП (Всесоюзный научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины).

В 1958 г., в соответствии с указанием Правительства СССР, институт был перебазирован из Москвы в Киров. В 1969 г. ВНИИЖП приобрел современное название — ВНИИОЗ (ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства), а в связи с 50-летием института постановлением Совета Министров РСФСР от 13.03.1973 г. № 130 ему было присвоено имя основателя и первого директора охотничье-промысловой биологической станции профессора Б.М. Житкова. После ликвидации СССР институт подчинялся Центросоюзу России, а с апреля 1993 г. перешел в систему Российской академии сельскохозяйственных наук.

В институте и его отделениях в разное время работали соратники и последователи Б.М. Житкова — всемирно известные ученые: А.Н. Формозов, П.А. Мантейфель, Б.А. Кузнецов, Н.П. Лавров, Н.П. Наумов, С.П. Наумов, Н.К. Верещагин, В.Я. Генерозов, Д.Н. Данилов, А.А. Слудский, П.Б. Юргенсон, В.А. Попов, А.А. Колосов и др. Они внесли значительный вклад не только в становление и развитие российской охотоведения и звероводства, но и в теорию общей биологии, экологии, стали основателями новых научных направлений и школ, авторами монографий и учебников, подготовили многочисленную плеяду учеников.

В предвоенные годы в институте были разработаны научные основы прогнозирования численности основных промысловых видов пушных зверей, создана «служба урожая», являющаяся прототипом современной службы мониторинга численности охотничьих животных. С целью увеличения ресурсов охотничьих животных и продукции пушного промысла интенсивно проводились исследования и эксперименты по изучению биологии видов как основы для интродукции и реинтродукции ценных видов животных (соболь, бобр, ондатра и др.). В промысел и заготовку вовлекались весенне-летние виды пушных зверей (крот, цокор, слепыш, водяная полевка и др.). Были созданы первые стандарты на продукцию охотничьего промысла, что ознаменовало появление в стране научного товароведения пушно-мехового сырья.

В военные и послевоенные годы в результате исследований сотрудников института интенсифицировались практические работы по восстановлению ареала соболя и бобра, созданию промышленных очагов ондатроводства, полувольного нутриеводства. Были созданы устойчивые группировки американской норки в Сибири и на Дальнем Востоке, енотовидной собаки на европейской территории страны, ента-полоскуна в Закавказье и Белоруссии. Расселившиеся виды стали играть в охотничьем промысле ведущую роль, составляя впоследствии более половины всего объема заготавливаемой пушнины. На каждую завезенную в СССР ондатру к концу 80-х гг. было заготовлено более 47 тыс. шкурок, а на каждую завезенную и выпущенную

на волю — 72,9 тыс. штук. В период с 1935 по 1987 гг. государством было закуплено более 120 млн. шкурок этого грызуна. Выпуски выхухоли в пойменных угодьях р. Уй в Челябинской области в начале 50-х гг. прошлого столетия позволили создать крупный очаг этого редкого вида — эндемика России в бассейне р. Тобола в Курганской области и на территории Северного Казахстана.

За исследования биологии соболя и создание очагов промыслового ондатроводства в Казахстане сотрудники института П.А. Мантейфель и Л.А. Волянский, а также А.А. Слудский, долгое время работавший в Казахстанском отделении ВНИИОЗ, были удостоены звания лауреатов Сталинской премии.

С 1958 г. в районе Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока по рекомендации института, сотрудники которого разрабатывали проектную документацию, была создана сеть коопзверопромхозов — около 100 промыслово-звероводческих хозяйств потребкооперации. Эти передовые для того времени предприятия не только позволили сохранить промысловую охотничью отрасль, но и спасли от хищнического освоения ресурсы соболя, других ценных зверей.

После перевода института в Киров, наряду с традиционными направлениями исследований, стало интенсивно развиваться кооперативное звероводство. Из достижений специалистов охотоведов следует отметить выведение на базе опытного зверохозяйства «Вятка» новой породной группы красной лисицы — вятской огневки, успешную domestикацию енотовидной собаки, ондатры, сурка, шиншиллы, колонка, выдры и белого песца. Соответствующие рекомендации по их разведению были разработаны и представлены практическим организациям.

Питомник охотничьих собак института, занимающийся разведением и улучшением породных качеств европейских и западносибирских лаек, за время своего существования стал поставщиком более 6 тыс. племенных щенков, вывезенных с целью создания племенных очагов в промысловые районы России. В 2002 г. он отметил свое 60-летие и в настоящее время является одним из центров по разведению отечественных пород охотничьих собак.

охота

и охотничье хозяйство 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ
● Основан в октябре 1955 г.

ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова

В начале 60-х и в 70-е гг. прошлого столетия в институте были начаты исследования по состоянию растительных ресурсов (ягод, плодов, грибов, лекарственно-технического сырья), по созданию средств малой механизации для совершенствования освоения этих видов ресурсов (машины для очистки собранных ягод от примесей, извлечения и очистки орехов кедра и кедрового стланика и др.), по рационализации техники охотничьего промысла.

Институт стал базовой организацией по стандартизации капканов для отлова пушных зверей и проведения исследований, направленных на гуманизацию охотничьего промысла. Новые разработки конструкции капканов прошли международную сертификацию.

Неоценимая заслуга ВНИИОЗ состоит в организации на базе Кировского сельскохозяйственного института отделения (1965 г.), а затем – факультета охотоведения. Первыми преподавателями биологических и специальных дисциплин, естественно, были сотрудники института (С.А. Ларин, В.Г. Сафонов, И.Б. Корсакова, И.В. Александрова, В.Ф. Гаврин, Ю.П. Язан, А.Т. Войлочников, З.Х. Давлетов и др.). Подготовка кадров охотоведов дала свои плоды: уже в 1971 г. коллектив сотрудников института пополнился молодыми выпускниками — специалистами. И на специализированных кафедрах Вятской госсельхозакадемии, где произошла естественная смена в составе преподавателей, основу профессорско-преподавательского состава составляют ВНИИОЗовцы (В.К. Мельников, В.М. Козлов, Ю.С. Заболотских, В.И. Машкин, А.А. Шулятьев, А.С. Залесов).

В конце прошлого столетия усили-

лись исследования по технологии хранения и переработки продукции охотничьего хозяйства и звероводства, по совершенствованию хозяйственных механизмов и правовых вопросов ведения отрасли в новых экономических условиях, по разработке региональных систем ведения промыслового охотничьего хозяйства. В связи с развитием охотничьего туризма в России Институт осуществляет научные исследования и проводит практические мероприятия, связанные с организацией международного охотничье-рыболовного туризма. Вследствие разветвленной периферийной сети, наличия квалифицированных кадров и опыта работы в новых экономических условиях, он способен обеспечить потребности предприятий отрасли.

Современная сфера деятельности института находится в рамках следующих основных направлений:

- изучение ресурсного потенциала охотничьего хозяйства, мониторинг, прогнозирование состояния природных биологических ресурсов; разработка экологических основ управления, воспроизводства и рационального использования популяций диких животных и растений; охрана окружающей среды;

- изучение качественного состава дичемясной продукции охотничьего хозяйства, лекарственных и пищевых растений и грибов (из-за увеличения содержания в них тяжелых металлов, способных влиять на функции организма человека);

- совершенствование орудий промысла охотничьих животных в связи с процессом гуманизации и существующими международными требованиями и соглашениями. Только в последние годы разработана и передана про-

изводству проектная документация для выпуска нескольких новых видов капканов гуманного типа, изготовлена опытно-промышленная партия;

- осуществление экономического мониторинга и правовой регламентации охотпользования в современных условиях, изучение особенностей формирования рынка охотничьей продукции и мирового рынка охотничьих услуг.

Судьба распорядилась так, что в настоящее время вместо 14 отделений (во времена СССР) в составе Института осталось лишь 8 российских филиалов: Северный (г. Архангельск), Западный (г. Санкт-Петербург), Южный (г. Краснодар), Специализированный (г. Ижевск), Уральский (г. Екатеринбург), Западно-Сибирский (г. Новосибирск), Дальневосточный (г. Хабаровск) и Московский (г. Сергиев Посад Московской области), созданный по решению Президиума Россельхозакадемии в 2006 г.

Сохраняя в целом традиционные направления охотоведческих исследований, в последние годы сотрудники филиалов, как и сотрудники головного Института, развивают направления научно-исследовательской работы (НИР), связанные с оценкой антропогенного воздействия на животный и растительный мир в результате разработки нефтяных и газовых месторождений, при строительстве трубопроводов и пр.

Данные исследования, как и работы по межхозяйственному и внутрихозяйственному проектированию охотничьих хозяйств, востребованы и широко используются заказчиками — практиками. Помимо НИР, предусмотренных программой фундаментальной и приоритетных прикладных исследований по научному обеспечению развития АПК Российской Федерации на 2002—2006 гг., за этот период институтом выполнено более 400 научных, внедренческих, технологических и других работ по хозяйственным-контрактам с заказчиками. Объем работ за пятилетие, выполняемых за счет различных источников финансирования, составил около 137 млн. руб.

Общее число штатных сотрудников ВНИИОЗ в настоящее время 142 человека, в том числе 8 докторов и 31 кандидат наук. Первыми докторами биологических наук на вятской земле в 1973—1974 гг. стали С.А. Корытин, И.Д. Кирил и Ю.П. Язан. Позднее защитили докторские диссертации Н.Н. Граков, И.П. Карпунин, В.К. Мельников, В.Г. Сафонов — авторитетные специалисты в познании биологии лося, куницы, белки, бобра и в охотоведении. В 90-е гг. и в начале текущего столетия докторские диссертации защитили охотоведы — бывшие выпускники Вятской госсельхозакадемии и сотрудники института В.А. Чашухин, В.И. Машкин, В.М. Козлов, Ю.С. Заболотских, В.В. Ширяев, В.М. Глушков, И.А. Домский.

В 2002—2006 гг. ВНИИОЗ являлся

официальным соисполнителем Федеральных целевых программ. Основные из них: «Сохранение редких и исчезающих видов растений и животных и видов, имеющих ресурсное обеспечение» по разделу «Обоснование схем неистощительного использования и сохранения важнейших полуводных видов млекопитающих»; «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера». По заданию МСХ РФ разработана концепция и макет Федерального закона об охоте и охотничьем хозяйстве.

В эти же годы институт участвовал в выполнении 7 международных научно-технических программ, в том числе в разработке гуманных методов и орудий лова пушных зверей по заказу Международной пушной торговой федерации и Международной ассоциации агентств рыбы и дичи, в программе Евросоюза по сохранению европейской норки, а также амурского тигра (по заказу Всемирного фонда охраны диких животных).

За прошедшее пятилетие сотрудники института приняли участие в 319 научных конгрессах, конференциях, съездах и т.д., из которых 33 — за рубежом, участвовали в работе 50 семинаров, 27 выставок и ярмарок для специалистов охотничьего хозяйства и звероводства. За этот период институт организовал и провел 5 международных и всероссийских конференций. С 2002 по 2006 гг. институтом изданы книги, монографии, сборники научных трудов, опубликованы статьи в отечественных (805) и в зарубежных (72) научных изданиях, получено 6 патентов и 1 свидетельство. Одинадцати сотрудникам института присвоено звание «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России»; член-корреспондент РАСХН В.Г. Сафонов награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. За пропаганду научных достижений на всероссийских выставках сотрудники института получили 13 медалей. Старший научный сотрудник института А.Е. Скопин выиграл конкурс на финансирование исследований по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых.

Институт является членом Международной ассоциации агентств рыбы и дичи, в которую входят Канада, США, Россия и страны Евросоюза. Сотрудники института входят в число экспертов технического комитета Международной организации по стандартизации «Капканы для млекопитающих животных», принимают участие в работе многих Всероссийских государственных и общественных организаций, ученых и диссертационных советов.

В год своего юбилея коллектив института полон сил, энергии, творческих замыслов, направленных на благо развития российского охотоведения и охотничьего хозяйства, и предлагает творческое сотрудничество всем, кто разделяет стоящие перед отраслью задачи.

«ЦКИБ СОО»

МЦ551 под 8x68S

А. НАЙДЕНОВ, Н. КИСЛИЦЫНА

Одно из основных требований современности при охоте на крупного зверя — это уверенное и надежное поражение животных на любой допустимой дистанции. Выполнение этого условия зависит как от оружия, так и от патрона, а в целом успех определяется совокупностью параметров стрелкового комплекса «оружие-патрон».

В XX веке специалисты-оружейники провели большую целенаправленную и успешную работу по разработке нарезного оружия для зверовой охоты. Это был путь многолетних поисков, проб и ошибок, и, в конечном итоге, оружейники создали специализированные образцы современного охотничьего оружия, среди которых карабины под патроны различных калибров от 6,5 мм до 9,3 мм. Появление в это же время высокоэффективных патронов позволило создать нарезное оружие, удовлетворяющее самым широким требованиям охотников.

Одним из таких патронов стал патрон 8x68S, под который за рубежом разработаны и выпускаются образцы: Favorite Safari фирмы Frankonia, Blaser R93, Mannlicher 96.

По поражающему действию зарубежные специалисты относят оружие под патрон 8x68S к особой группе (в соответствии с зарубежной терминологией — Sonderkaliber — особый калибр), который ценится знатоками охоты на крупную дичь.

Оружейные фирмы России также уделяют внимание разработке оружия под патрон 8x68S, тем более что в нашей стране, особенно в ее северных районах и в сибирской тайге, имеются крупные звери: лоси, медведи и кабаны.

В настоящее время в филиале ГУП «КБП» — «ЦКИБ СОО» разработан и изготавливается по индивидуальным заказам самозарядный карабин МЦ551 под патрон 8x68S.

Автор — Денисов Виктор Николаевич, известный создатель ряда карабинов: МЦ18, МЦ26, МЦ132, ОЦ-18, ОЦ-25 и ряда спортивных винтовок.

Это оружие предназначено для охоты на крупного зверя в условиях любительской охоты и надежно работает при температуре от -50°C до $+50^{\circ}\text{C}$.

Особенностью конструкции МЦ551 является автоматика, которая впервые в отечественных образцах работает при стрельбе патронами с различной массой пули.

Перезарядка карабина МЦ551 осуществляется автоматически за счет энергии пороховых газов, которые отводятся через отверстие в стенке ствола и энергии сжимаемой возвратной пружины. Карабин имеет неподвижный ствол, который соединен со ствольной коробкой на прессовой посадке и зафиксирован двумя штифтами. Канал ствола и патронник не имеют покрытия. Ударно-спусковой механизм смонтирован на отдельном основании и позволяет вести только одиночную стрельбу. Запирание ствола осуществляется тремя выступами затвора за опорные поверхности коробки. В процессе стрельбы рама, двигаясь под действием возвратной пружины, поворачивает затвор. При перемещении рамы в крайнее заднее положение автоматически взводится курок.

Конструкция МЦ551 предусматривает безопасное обращение с ним. В нем имеется предохранительный механизм, запирающий спусковую крючок и ограничивающий ход рамы. Инерционный накол капсюля патрона при его досылании в патронник исключен за счет блокировки ударника. Характерная особенность МЦ551 — ударник, который может перемещаться вперед только при полностью запертом затвором канале ствола.

При стрельбе необходимо соблюдать все меры безопасного обращения с огнестрельным оружием и помнить, что дальность полета пули составляет более 5000 м. При осечке нельзя открывать затвор карабина в течение 5 сек. из-за опасности возможного затяжного выстрела.

В целом, карабин МЦ551, как и все образцы с индексом МЦ, — это оружие высокого класса, которое не только приятно держать в руках, но и с которым можно успешно охотиться на крупного зверя в любой местности и различных климатических зонах.

Каменный пояс

О. ЧГУНИХИН

Фото С. Животкова, Д. Житенева

Карта Урала

Уральские горы суть знатнейшие во всей империи и по признанию понимаются за те, которые у древних писателей назывались Гиперборей и Рифей. Татары именуют их

Урал, что на русском языке значит «пояс».
В. Татищев, 1743

*В огне и буре плавала Сибирь,
Европа двигала свое большое тело,
И солнце, как огромный нетопырь,
Сквозь желтый пар таинственно глядело.
И вот, подобно льдинам в ледоход,
Материки столкнулись. В небосвод
Метнулся камень, образуя скалы;
Расплавы звонких руд вонзились*

в интервалы

*И трещины пород; подземные пары,
Как змеи, извиваясь меж камнями,
Пустоты скал наполнили огнями
Чудесных самоцветов. Все дары
Блистательной таблицы элементов
Здесь улеглись для наших инструментов
И затвердели. Так возник Урал.*

Н. Заболоцкий, 1947

На бескрайних пространствах России, между двумя громадными равнинами, на которых уместилась бы несколько раз вся Западная Европа, лежит удивительная и сказочная по красоте горная страна Урал, протянувшаяся естественной географической границей Европы и Азии на целых 2000 км от берегов Ледовитого океана до казахских степей.

Раздоры и неурядицы феодальной Руси, тяжесть жизни, слухи о землях, богатых дарами природы, толкали наших предков в дремучие леса, простирравшиеся к востоку от границ Древней Руси. Проникновение на Урал и последующее освоение обширных территорий совершалось на свой страх и риск нашими предками — «само-

Сцилла и Харибда реки Шугор (Приполярный Урал).

вольниками», действовавшими и без разрешения, и без ведома властей, а в дальнейшем — и государственными отрядами, приводившими коренное население в русское подданство.

Северное Предуралье посещали русские уже в XI в., когда новгородцы плавали по Печоре и ее полноводным притокам. В XII в. новгородцы неоднократно (в 1133, 1169, 1187, 1193 гг.) посылают туда сборщиков дани. С XIII до XV в. Пермь, Печора и Югра постоянно упоминаются в числе новгородских областей в длинном ряде договорных грамот с тверскими и московскими князьями.

Волюки, соединявшие реки Печорского бассейна с притоками Оби, облегчали продвижение по рекам через главный водораздел Урала на его азиатский — сибирский — склон. Первое сообщение о проникновении русских в северные зауральские области содержится в словах летописца о походе 1364 г.: «Год 6872... Той зимы с Югры новгородцы приехаша дети боярски [...] и воеводы Александр Абакумович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша». В 1483 г. московские воеводы — князь Федор Курбский-Черный и Иван Салтык-Травин совершили переход русских через Средний Урал. В 1499 г. новгородцы под командованием князя Семена Курбского поднялись по реке Шугору, пересекли Приполярный Урал. К началу XVI в. русские открыли Урал (Полярный, Приполярный и Северный) и перевалили его в нескольких местах.

На карте «Московии» Сигизмунда

Герберштейна, составленной по русским источникам и прилагаемой к его «Запискам о Московитских делах» 1549 г., впервые показаны «горы, называемые Земным Поясом», которые протягиваются с севера на юг между Печорой и Обью. В 1581 г. была начата одна из ярких страниц отечественной истории — поход Ермака через Урал в Сибирь, положивший начало массовому движению наших предков на просторы Северной Азии.

Разумеется, колонизацию Урала и Сибири не следует идеализировать. Коренное население встречало пришельцев не песнями да плясками, а стрелами и копьями. Еще до прихода Ермака уральские аборигены оказывали сопротивление русской экспансии. Исторически еще совсем недавно пели мансийские сказители:

*... Против ружей со стрелами,
Против крепкого железа —
С деревянными шестами.
Бились долго, бились крепко
За свободу дымных чумов,
А шаманы ворожили,
Звали духов на подмогу.*

Правда, не следует забывать, что «скорострельность» тогдашнего огнестрельного оружия была значительно ниже скорострельности лучника, а если у казаков пороховой припас отсыревал...

Однако мощное миграционное движение на Восток, русская колонизация Урала и Сибири не сопровождалась тотальным истреблением жившего там населения и, соответственно, имевшие место вооруженные столкновения с аборигенами не переросли в ожесточенное, растянутое на столетия сопротивление местных племен. Каза-

Накипные лишайники курумов

ки и промышленники прошли от Урала до Тихого океана, поставив многочисленные городки, острожки, менее чем за 60 лет, в то время как европейским колонистам на освоение Северной Америки от Атлантики до Тихого океана потребовалось более 300 лет.

Формирование географической, геологической, этнографической картин Урала связано со славными именами российской науки. Первым исследователем Урала был Василий Никитич Татищев — участник Полтавской битвы, которого Петр I в 1719 г. «изволил быть намерен определить <...> к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами», а в 1720 г. послал на Урал: «хотя в Сибири различные ландкарты учинены, однакож многие обстоятельства упущены <...>, т.е. многих рек, гор и лесов не означено и не описано, без которых здесь обстоятельно рассудить не можно» (1734 г.). В XVII-XVIII в.в. понятие «сибирской украины» охватывало и уральские земли. Познание Каменного Пояса связано с уральскими экспедициями Петра Симона Палласа в 70-х гг. XVIII в. (опираясь на свои экспедиционные материалы, Паллас разработал схему общего строения Уральских гор, которая позднее легла в основу его теории образования горных хребтов Земли). Вполне оправдано упомянуть и его учеников, и спутников: Николая Петровича Рычкова (1770), Никиты Петровича Соколова (1770), Василия Федоровича Зуева (1771), доставивших первые систематизированные геолого-географические сведения о Полярном Урале.

С 1921 г. начаты систематические геологические, топографические, ботанические исследования северной части Уральского хребта, проведенные А.А. Черновым, Г.А. Черновым, В.А. Варсановьевой, Б.Н. Городковым, А.Н.

Алешковым (выделенная Алешковым самая высокая зона Пояса получила название Приполярного Урала).

В северной части легендарного Каменного Пояса автор этих строк в 1960, 1970, 1971, 1974, 1975, 1976, 1978 гг. поднимался «бечевой» и сплавлялся по рекам Северного, Приполярного и Полярного Урала и «переваливал» с европейского на азиатский склон Урала, в том числе — и по древним волокам русских средневековых первопроходцев.

Урал — это горная страна, изрезанная бурными реками, сбегаящими с нее в Ледовитый океан и в Каспийское море. Это край, издревле богатый зверем, рыбой, птицей, лесом, драгоценными камнями, богатый сказами и легендами. Урал — это и сглаженные, выстуженные ветрами Ледовитого океана тундровые возвышенности Заполярья, и остроконечные, «альпийские» хребты Приполярья, и могучие, покрытые почти до вершин тайгой, горы Северного и Среднего Ура-

ла, и мощные увалы Урала Южного. На гольцах встречаются причудливо искореженные ветрами низкорослые многолетние кустарники, так называемые «ветровые формы» древесной растительности.

Приполярный Урал — это громадные пространства тяжелой буреломной тайги, болотин, многочисленных мощных скальных выходов, быстрых горно-таежных рек и речек.

Полярный Урал — это царство тундры, огромные пространства коврового слоя мха, травы, цветов и непролазной низкорослой «тайги» из карликовой березы, высота которой иногда доходит до пояса взрослого человека.

Многочисленные неглубокие тундровые болота дают обильные урожаи морошки (обводненность субарктической зоны — тундры, лесотундры, северной тайги, наибольшая по сравнению с другими климатогеографическими зонами). В тундре и лесотундре много голубики. В лесотундре, на пойменных террасах и в ивняковых зарослях растет обильная и красная, и черная смородина. На южных склонах рек встречаются малина, костяника, княженика, земляника. На первый взгляд тундра кажется безжизненной и пустынной.

На самом деле это, разумеется, не так. В тундре водится полярный волк, кочующий вслед за стадами северного оленя — большого любителя не только ягеля, но и грибов. Как-то, в самом конце августа, неосмотрительно оставив у палатки на ночь «на холодке» изрядное количество собранных «черненьких», что в изобилии появляются в тундре в конце лета, мы рано утром обнаружили их жалкие остатки, доедаемые подошедшими к нашему лагерю оленями.

Лето северной части Пояса — это белые ночи приполярья, это — практически незаходящее солнце полярного Урала. Летом размножается в большом количестве пеструшка — симпатичное, суетливое «очень маленькое существо», делающее свои норки в

Северный Урал: останцы на вершине Мань-пупу-ньёр

бугорках и кочках. И, конечно, тут и «пастихи» пеструшки — полярные лисы. Весенне-летняя тундра — это царство перелетных птиц: уток, гусей, гагар. Как-то на одном тундровом озере пощастливилось любоваться парой лебедей — осторожных, чутких, потрясающе грациозных, красивых созданий. Многочисленные кулички — милые голенастые создания — то деловито-комично вышагивают в поисках съедобной живности по речным отмелям, то, мельтеша крыльшками, брющим полетом заголовно удирают от вас. Уже расставшись с тундровыми просторами Урала, находясь в городской квартире, вы не раз и не два «услышите» бормотание воды среди камней речного русла и «жалостливые стенания» будто кем-то обиженного куличка-мородунки. На отвесных скалистых склонах берегов уральских рек живет гроза мелкой живности ястреб.

Уральские реки славятся изобилием рыбы. На перекатах стоит хариус; в студеной глубокой речной яме «играет» семга. В старину реки, богатые рыбой, необходимой для корма ездовых собак, назывались «собачьими». Уральские реки «не токмо течением, но и водами разнствуют, по которому рыбы на обеих сторонах находятся разных родов, яко на западной стороне в реках рыбы красного тела: лосося и харьюсы или форели, а в Печоре семги. Но в сибирских реках хотя наружным видом подобные тем таймени, нелмы и муксуны находятся, но как телом белы, так и вкусом различны».

На речных отмелях встречаются мощные отпечатки лап «хозяина тайги» — медведя. В 1970 г. такой медвежий след, свернувший от воды в тайгу, буквально на наших глазах наполнился в приречном песке водой.

Субарктика — не субтропики; видовое разнообразие животного мира значительно беднее. В северных областях Уральских гор водятся лоси, бурые медведи, волки, лисицы, рыси, россомахи, зайцы, соболи (южнее — ежи, барсуки); из птиц — глухари, те-терева, рябчики, утки, гуси, лебеди. Зимой в тайгу Приполярного Урала откочевывают многие обитатели тундры: северные олени, волки, тундровые куropатки, полярные совы, полярные лисы — песцы.

Естественная природная среда — не зоопарк, где вы без труда можете рассматривать различную живность. В тайге, как бы вы не старались осторожно и бесшумно идти, чаще всего лесные обитатели обнаружат вас раньше, чем вы их; множество глаз, носов и ушей следят за вашим передвижением, а крики кедровок, соек «по эстафете» оповещают лесных насельников о вашем приближении.

В этой сказочной стране гор, тундр, тайги, быстрых рек, живет, помимо всякой летающей, плавающей и бегающей живности, молчаливое, внешне неброское племя крохотных живых существ — племя лишайников, обитающих на земле, стволах деревьев и кам-

нях. Они представляют своеобразную симбиотическую семью так называемых комплексных микроорганизмов, тело которых всегда состоит из двух различных составляющих — гриба и водоросли. Эти неприметные существа — многолетние и очень медленно растущие растения, за долгий год вырастающие всего на 0,2—0,3 мм. Отдельные виды тундровых лишайников вырастают лишь на четыре тысячных доли миллиметра в год. В северных тундрах возраст некоторых лишайников достигает 300 и более лет. Эти невзрачные лишайники, по которым ступает, не обращая на них внимания, человек, — одногодки могучих громадных дубов, кое-где сохранившихся на просторах Евразии, они современники Петровской и Екатерининской Руси. Вполне возможно, что неприметный лишайник на какой-нибудь уральской скале мог видеть не только экспедицию, впервые с научными целями поднимавшуюся на красивую уральскую гору Сабля в 1843 г., но и рудознатцев, и беглых крепостных (времен Строгановых и Демидовых). На этих лишайниках, может быть, отплясывала бажовская Огневушка-поскакушка.

Когда тусклые и неприметные северные долгожители — лишайники «просыпаются», «оживают» после дождя, то в солнечный день крупноглыбовые осыпи гор — курумы — буквально расцветают желтыми, красными, черными, зелеными лишайниками, причудливо выстилающими скальные обломки.

Уральское лето не щедро на солнце. Урал пасмурен. Низкое облачное небо, частые моросящие дожди, темная «притушенная» тайга, сумрачные скалы, олово воды горно-таежных рек и тундровых озер. Но в несчастные солнечные дни, когда вы стоите над верхней границей леса, вас — в который раз! — ошеломляет и завораживает и красота уходящих за горизонт хребтов с белыми лоскутами перелетков-снежников, и красота устилающей горную тундру пламенеющей карликовой полярной березки, и красота лишайников на скалах — красота Природы в

ее геологических и микроскопических проявлениях...

*Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!*

*Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.*

*В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.*

*Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.*

*Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.*
Б. Пастернак

Субарктика завораживающе красива, но ее красота очень уязвима. Растет число экспедиций, увеличивается количество буровых установок, вездеходы размалывают все новые и новые полосы тундровой дернины. Так легко превратить этот прекрасный край в оскальпированную землю. К сожалению, реальные результаты деятельности по охране природы явно отстают от результатов существующего промышленного природопользования Русского Севера. Антропогенная деградация природной среды Приполярья и Заполярья происходит пугающе быстро; и пугающе быстро «природа, мир, тайник вселенной» превращается в помойку. Ведь очень скоро попросту будет нечего охранять. И тогда слезы людей будут вовсе не пасернаковскими «слезами от счастья».

*Природа, если к ней судьба нещадна,
Всегда, как и любой другой посев
На чуждой почве, смотрит неприглядно;*

*И если б мир, основы обзрев,
Внедренные природой, шел за нею,
Он стал бы лучше, в людях преуспев.*

Данте Алигьери, «Божественная комедия»,
«Рай», песнь 8 (перевод М. Лозинского)

Река Печора в верховьях

Дерзкий побег

О. ТРУШИН

Уж сколько занимательных историй про зайцев написано. Не счесть! Вот, к примеру, одна из них, а рассказал мне ее хорошо знакомый охотник, и случилась она давным-давно, когда Иван Дмитриевич был деревенским пацаном, сновавшим вместе с ребятней с утра до ночи по деревне в поисках занятий.

А занимательна эта история тем, что когда Иван Дмитриевич рассказывал ее, то я, конечно же, не поверил. Покуда однажды сам, спустя некоторое время, не услышал ее еще раз, но уже от других деревенских старожиллов.

Жил в нашей деревушке охотник по имени Володиш, — начал Иван Дмитриевич. — Вообще-то, Володиш — это деревенская кличка, которую приобрел Владимир Семеныч еще с малолетства, но так крепко-накрепко к нему прилепилась, что я на стариковской памяти только и помню, что величали его не иначе как Володиш.

Работал Володиш в местном лесничестве, держал крепкое хозяйство: пару коровенок, бычков, лошадку имел да не одну. Одним словом, мужик был по-деревенски ладный. Работу любил, любил и отдохнуть как следует. Почитал Володиш охоту лучшим отдыхом. Гончатником был заядлым. Охотился не нашвыром-накидом, а как полагаются с чувством и расстановкой. Но однажды и с ним приключилась вот какая история.

Была, как помнится, поздняя осень. Лист сошел, ночами заморозочки поддавать стали, что надо! Как там у Пушкина? «Зимы, зимы ждала природа...» Вот такая пора была. А пора-то для охотника известная — время заячьих охот. Какой гончатник усидит в такое время в избе. Вот и Володиш изо дня в день охотился на зайчишек. Частенько мы его идущим с охоты видели.

Так в один из дней играем мы всей ребятней в лапту, глядим со стороны поля из лесу Володиш возвращается с охоты. Поравнялся с нами, и мы давай его хором пытать: «Ну что, где зайцы?» А он в ответ: «В мешке».

И вправду, за Володишиной спиной висел плотный вещмешок на хомутах-лямках с коим новобранцев на службу отправляют. А мы ему: «Покажи!» — уж больно жаждалось нам зайца посмотреть.

Ну, как тут от дотошной ребятни отступить?

Пропустились мы за Володишем по всей деревне до самого его дома. Настоячиво просим зайца добытого показать. Пока до дома шли Володиш все пытался «отбиться» от нас, но потом сдался. Ладно, говорит, покажу вам зайца и, зайдя во двор, начал распутывать вещмешок. А мы все стоим, смотрим за действиями Володиша. Развязал он рюкзак и вытряхнул из него на землю белячину. А тот, словно и не был добыт на охоте, как вскочил, да как дал стрекоча вдоль Володишиного двора. Каким-то чудом пробрался через частокол и махнул дальше в сторону гумна. Мы все опешили. А на самом Володише лица нет. Кинулся он за ружьем, что к воротному столбу было прислонено, пока зарядил, заяц уже по картофельному полю на махах идет.

Ух и чертыхался, ух и ругался Володиш на чем свет стоит. Да и впрямь, как же не ругать-то ее, эту самую человеческую простоту? — «Почем зря нужно было хвастаться? Был трофей да и нет трофея! Только руки умыл и с носом остался».

Ну, а нас после некоторого замешательства такой смех пробрал — обновиться долго не могли. Да и сам Володиш, наругавшись, развеселился. А в наших глазах был все тот мелькающий меж пашенных гряд «воскресший» беляк, ухोдивший в сторону родимого леса. Только вот до сих пор никак не могу в толк взять, как же так заяц мог спокойно в мешке сидеть, пока его Володиш до дома нес.

Но зато с той поры Володиш на просьбу показать трофей отвечал категорическим отказом и уж тем более никогда не вытряхивал зайцев из рюкзака. А делал так. Развяжет рюкзак, посмотрит во внутрь, просунет руку, потрогает содержимое и уж потом осторожно достает зайца. Накрепко проучил тот беляк Володиша. Да и сам охотник эту историю до своей смерти часто вспоминал с недоумением и никак не мог ей объяснение дать, но хорошенько уверовал в заячьи хитрости. Вот как бывает... — Подытожил свой рассказ Иван Дмитриевич. — И ты смотри за зайцами, особенно не доверяй им. Обманут!»

Заснеженная тайга на горе Эбель-из

Зимние фотоохоты

Только на третий день удалось увидеть зубров. Казалось, будет не трудно найти таких крупных животных в охотничьем хозяйстве, где на полях и опушках следы их целого стада. Но зубры издали замечали людей и уходили в лес, где подобраться к ним тоже не удавалось.

Наконец, на небольшом поле, окруженном лесом, состоялась не замеченная зубрами встреча ...

Зимние фотоохоты не долги: короткий день, мало света, холодно поджидать зверя в засаде, да и фотоаппарат не любит мороза.

Но выдаются дни, когда совпадает все: не сильный мороз, достаточно света, а, главное — счастливые встречи то с табунком пятнистых оленей, то с парой осторожных маралов, то с кабанами. Или «нос к носу» окажешься вдруг перед енотовидной собакой, которая в оттепель выбралась из-под заснеженной кучи хвороста.

Чаще же бывают «пустые» дни...

Но можно ли назвать «пустыми» дни, проведенные в лесу?

А.СЕВАСТЬЯНОВ

Фото автора

ЕНОТ — ЭТО КТО?

Н. РУКОВСКИЙ, кандидат биологических наук

«Младшие братья медведя», североамериканские еноты-полоскуны, в 30-50 гг. прошлого века были выпущены в леса Кавказа, Средней Азии, Белоруссии и Дальнего Востока
Фото А. Севастьянова

Есть звери, названия которых постоянно путают. Так, например, в разговоре с сельскими охотниками (особенно часто это бывает в районах Нечерноземья) можно услышать такие названия как енот, енотка, уссурийский енот, енотовидная собака, уссурийская собака, а среди охотников — в деревнях Смоленской области — даже совсем странное название барсуко-собака. Во всех этих случаях речь идёт об одном звере, а именно — о енотовидной собаке, однако среди перечисленных названий имеются и такие, которые относятся к другому виду — к американскому еноту-полоскуну. Такая путаница в названиях произошла потому, что оба вида, внешне напоминающие друг друга, не являясь аборигенами Европейской России, одновременно попали на её территорию в первой половине прошлого века.

Кратко остановимся на характеристиках этих двух видов и на истории их появления в Европе.

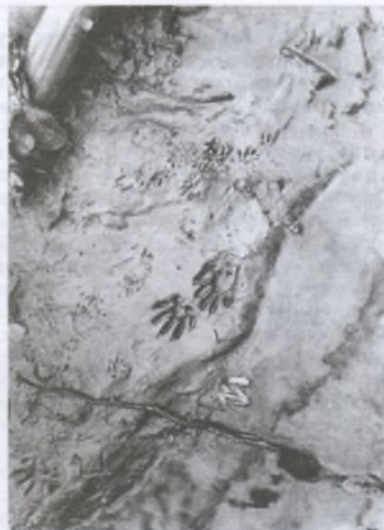
В Северной Америке, от южных провинций Канады до Панамского перешейка, распространён небольшой хищный зверёк, которого индейцы, коренное население страны, с давних пор называли «младший брат медведя». Своими повадками, походкой и движениями он напоминал местным охотникам медведя-гризли. Попавшие в Америку европейские натуралисты, наблюдая зверька в природе, подметили его странную привычку: прежде чем съесть пойманную добычу, зверёк мочит её в воде и трёт передними лапами. За такое поведение его называли мойщиком, прачкой или просто **полоскуном**. Последнее название оказалось удачным и закрепилось за этим животным.

Известно, что когда шкурки зверька

через Западную Европу попали в Россию, их назвали «генетовыми мехами», потому что полосатым хвостом зверёк напоминал генетту — такого же по размеру хищника из семейства виверровых, обитающего в южной Европе и уже знакомого россиянам.

Живые полоскуны попали в Россию в сороковых годах XIX века. Видимо тогда его, имеющего «генетовый мех», и стали называть генот, а затем и енот, так как буква «г» в начале слова нередко терялась (например в старину один из месяцев года называли «генварь»). Позднее были попытки назвать нового зверя ракуном, по созвучию с его американским именем «гасоон», и даже ракедом. Однако в русском языке закрепилось название енот или енот-полоскун, которое и вошло в зоологическую литературу.

В 30-50 гг. прошлого века, когда в стране проводились мероприятия по

Следы енота-полоскуна
Фото Н. Руковского

обогащению фауны новыми пушными видами, несколько партий енота-полоскуна были выпущены в широколиственных лесах Кавказа, Средней Азии, Белоруссии и Дальнего Востока. В большинстве мест они прижились. Выпускали енота и в Центральной Европе. В настоящее время зверёк встречается в Германии, Голландии и Франции.

Интересно, что сходство енота с медведем было подмечено не только североамериканскими индейцами. Немцы называют его «Waschber» — умывающийся медведь; азербайджанские охотники, увидев енота, тут же окрестили его «баладжа ай», что можно перевести как «последний» или «самый маленький ребёнок медведя». И правда, у енота есть сходство с медведем. Он по-медвежьи нетороплив, ступает на всю ступню, всеяден; у него сходное с медведем строение коренных зубов и кишечника; он подвержен зимнему сну; в неволе быстро привыкает к человеку; любознателен и сообразителен, а потому, как и медведь, легко поддаётся дрессировке.

Телосложение у енота плотное, несколько сутуловатое. На короткой шее широкая лобастая голова с заострённой мордой и небольшими округлыми ушами. Конечности пятипалые, пальцы хорошо развиты, подошвы лап голые, мех густой с мягкой подпушью. По бокам головы удлинённые волосы образуют баки. Общая окраска меха коричневато-серая, более тёмная на спине и боках, светлее в нижней части тела и на конечностях. Чёрные пятна вокруг глаз образуют характерную маску, от которой между глаз к затылку тянется чёрная полоса. Губы, «брови», ободки и тыльная сторона ушей грязновато-белого цвета. На хвосте 6—7 поперечных тёмных полос. Длина тела взрослого зверя достигает 60 см, хвост 20—25 см.

Енот — типичный лесной зверь, ведущий полудревесный образ жизни.

Убежищем ему служат дупла деревьев и лишь в крайнем случае он использует наземные укрытия. Излюбленные местообитания зверя — старые крупноствольные широколиственные леса с непересыхающими ручьями, речками и другими водоёмами. Хвойных лесов и местностей с длительной снежной зимой он избегает.

Полоскун — всеядный хищник. В равной степени он поедает как животные, так и растительные корма. Его коренные зубы больше приспособлены для перетирания пищи, чем для её разрезания; длина кишечника у енота, как и у медведя, в 9—10 раз превышает длину тела. Из животных кормов енот чаще всего поедает лягушек и насекомых; птиц и мышевидных грызунов — реже. Набор растительных кормов енота чрезвычайно разнообразен и, как правило, со второй половины лета они составляют основу рациона. В некоторых районах своей родной родины енот, поселяясь вблизи человека, посещает фруктовые сады, бахчи и посевы кукурузы, похищает домашнюю птицу, за что фермеры прозвали его «разбойником в маске».

На обильных осенних кормах зверь накапливает запас подкожного жира и холодное время года, подобно медведю или барсуку, проводит в дремотном состоянии. В Канаде, у северного предела обитания, где снег лежит долго, енот способен до четырёх месяцев не покидать убежища и обходиться без пищи.

Раз в году, весной, самка, после 63 дней беременности, приносит 3—4 детенышей. Отход среди молодняка не отмечен. В возрасте 2,5 месяцев детеныши начинают сопровождать мать во время кормежки, к осени становятся самостоятельными, но иногда остаются зимовать в материнском дупле. Самец в воспитании молодняка участия не принимает.

В местах обитания еноты оставляют много следов. На илстых и песчаных берегах водоёмов, на мягкой почве после дождя, особенно на тропах и дорогах, которыми они часто пользуются, отпечатки их лап трудно спутать со следами других животных. Пальцы енота, как истинного древолаза, длинные, подошвы лап голые, поэтому следы всегда бывают очень чёткими и напоминают миниатюрные отпечатки человеческой ладони с растопыренными пальцами. Во время кормежки енот часто присаживается, опираясь задними лапами на всю ступню. При этом зверёк всё время озирается по сторонам. Его передние лапы находятся в постоянном движении: выискивая съестное, они торопливо прощупывают ил, перебирают опавшую листву или гальку на мелководье.

Далее речь пойдет о другом звере, который приобрёл широкую известность в Европе тоже лишь в 30-х годах прошлого века. Родина его Юго-Восточная Азия, у нас в стране он обитал только на юге Дальнего Востока.

Местные жители называли этого зверя мангутом. По внешнему виду он одновременно напоминает и лисицу, и небольшую собачку, а по окраске и маске вокруг глаз имеет некоторое сходство с енотом-полоскуном. По этим признакам систематики дали ему имя **енотовидная собака**. Попытка ввести в обиход местное название «уссурийский мангут» (Млекопитающие Советского Союза, Т. II. 1967) не имела успеха.

В начале прошлого века енотовидную собаку, наряду с серебристо-чёрной лисицей, начали разводить на колхозных и совхозных зверофермах страны, а с 1934 г. стали выпускать для размножения в природных условиях. Звери легко приспособлялись к новым условиям, быстро расселялись и вскоре в европейской части страны образовали обширный сплошной ареал, в пределах страны превышающий естественный.

Летом 1941 г. в западных районах страны (главным образом в Белоруссии и на Украине) при приближении военных действий десятки звероферм выпустили своих зверьков на волю. В результате, енотовидная собака проникла в Финляндию, Швецию, Польшу, Германию, Румынию и другие страны Западной Европы. Новый вид в этих странах в народе называют куньей собакой, уссурийской лисицей, морской лисицей и пр.

Енотовидная собака — животное средней величины. Длина тела зверька 65—80 см, хвост 15—25 см. Внешний вид своеобразен: удлинённое туловище на коротких конечностях покрыто густым мехом, состоящим из мягкой подпуши и длинной грубоватой ости; зверь кажется приземистым и лохматым. Длинные волосы по бокам головы, как и у полоскуна, образуют баки; вокруг глаз — чёрная маска, маленькие уши едва заметны, острая морда зверька как бы выглядывает из густого длинного меха.

Излюбленные места обитания енотовидной собаки — уголья с повышенным увлажнением, лиственные, и особенно пойменные, леса, кустарниковые заросли и заболоченные тростниковые

крепи по долинам рек и ручьёв. Убежища зверёк находит в старых норах барсуков и лисиц, под нагромождением бурелома, кучами хвороста, стогами сена, в брошенных землянках, погребках и других постройках человека. Иногда устраивает логово просто в густых кустарниках или под заломами тростника.

Енотовидная собака — типичный наземный хищник-собираатель, поедающий всё, что может найти и добыть. Рацион зверя разнообразен и состоит в равных частях из животных и растительных объектов. В поисках корма хищник находит и поедает кладки куриных и водоплавающих птиц, нелётных птенцов, зайчат, чем приносит вред охотничьему хозяйству. Благодаря способности накапливать за лето и осень запас подкожного жира, енотовидная собака проводит зимние месяцы в малоактивном, сонном состоянии и может длительное время обходиться без корма.

Енотовидная собака — моногам. Пары формируются с осени или весной, сразу после зимовки, и самец остаётся с самкой до середины лета. После 59—64 дней беременности самка приносит 6—8 щенков; иногда встречаются очень крупные выводки — до 16 детёнышей! Однако гибель молодняка у этого вида высока и в некоторые годы превышает 50%. Взрослые особи часто гибнут от бродячих собак, волков, рысей, а щенки, кроме

того — от филина и других пернатых хищников. Спасаясь от врагов, зверь иногда применяет своеобразный приём: попав в безвыходное положение прикидывается мёртвым, закрывает глаза, расслабляется, даже задерживает дыхание и, усыпив таким образом бдительность врага, использует удобный момент для побега.

В середине прошлого века енотовидная собака в России была уже обычным промысловым видом и разводил её в неволе стало нецелесообразно: зверя дешевле добыть, чем вырастить в клетке. Вот тут-то по вине меховщиков и произошла путаница с названиями. Они дали енотовидной собаке более благозвучное название «уссурийский енот», считая, что кто же будет покупать мех собаки, хотя бы и енотовидной!? Позднее для краткости зверя стали называть просто енотом и в результате вышло, что в стране обитают под одним названием два разных вида.

Чтобы не путать названия двух упомянутых выше хищников, нужно иметь в виду, что это совершенно самостоятельные виды, в родственном отношении очень далекие друг от друга. Енот-полоскун принадлежит к семейству енотовых, в которое входит ряд тропических животных, в том числе и бамбуковый медведь-панда. Енотовидная собака принадлежит к семейству псовых, куда входят волки, шакалы, лисицы, песцы и другие, похожие на собак, виды.

Это — енотовидная собака. До широкой акклиматизации она обитала в нашей стране только на юге Дальнего Востока

Фото А. Севастьянова

Время неумолимо. Давно ли студент охотоведческого отделения зоотехнического факультета Иркутского сельскохозяйственного института, всегда подтянутый, активный в делах, отличник учебы, гимнаст, пользовался уважением и благожелательностью ведущих преподавателей и привлекал восторженные взгляды многих красавиц сопутствующих факультетов. Жизнь не стояла на месте. За эти годы сделано очень много, получено всеобщее признание специалиста-охотоведа высочайшего уровня. Это подтверждают степень доктора сельскохозяйственных наук, звание профессора, заслуженного деятеля науки РФ, академика Петровской академии наук и искусств, академика РАЕН, заслуженного работника охотничьего хозяйства, членство многих зарубежных обществ по изучению охотничьих животных — в частности Германского общества, постоянные приглашения в качестве консультанта лектора охотхозяйственных и научных организаций Литвы, Казахстана, Германии, Словакии, участие в многочисленных научно-методических и научно-практических конференциях и членство во многих региональных обществах охотников и рыболовов.

Трудовую деятельность Владислав Константинович начал на поприще научного сотрудника Восточно-Сибирского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института животного сырья и пушнины (ВНИИЖП), где проработал с 1959 по 1960 гг. Не долгое время учился в очной аспирантуре, с 1961 г. стал ассистентом, а после защиты кандидатской диссертации и присвоения звания доцента работал в этой должности до 1969 г. В этот период он занимается проектированием промыслово-звероводческих хозяйств и их внутрихозяйственным устройством.

Уже первые шаги на преподавательском поприще обещали становление блистательного преподавателя. При обсуждении открытых лекций по основной для охотоведов учебной дисциплине «Организация охотничьего хозяйства», читаемых Мельниковым, отмечались четкость и последовательность изложения, большая эрудиция, тесная связь со студенческой аудиторией. На протяжении многих лет Владислав Константинович руководил охотоведческим научно-студенческим кружком. Многие члены этого кружка блестяще проявили себя в дальнейшем в науке и производстве. Проработав заведующим Красноярским ВНИИОЗ (1969-73 гг.), старшим научным сотрудником зоологического отдела Иркутского государственного противочумного института Сибири и Дальнего Востока (1973), он вновь возвращается в родной институт, где избирается заведующим ка-

Славный юбилей

Владиславу Константиновичу Мельникову исполнилось 70 лет

федрой «Экономики и организации охотничьего хозяйства», а с 1979 г. совмещает ее с работой декана факультета охотоведения.

Многие годы совместной работы и личных контактов позволяют нам отметить еще одну благородную особенность — Владислав Константинович страстный охотник. От любительства до высокого профессионализма, начиная от утиных охот до белкованья и соболевки, от охоты на реву до красочных и небезопасных охот на медведя на берлоге в одиночку. Вспоминается случай добычи крупного медведя. Это было в Усть-Кутском районе Иркутской области при соболино-беличьей охоте. Собаки Мельникова обладали злыми характерами. Обнаружив берлогу, при подходе охотника бросились внутрь и заваляли смертельную схватку со зверем. Владислав Константинович дождался выхода собак и, с весьма ненадежной в таких случаях «тозовкой», устроил традиционный сибирский «залом». При попытке медведя покинуть берлогу охотник произвел смертельный выстрел чуть выше глаз медведя. Охота — далеко не безопасное дело. Позднее, в очередном сезоне полевых работ в Красноярском крае, он неудачно упал и получил травму. Спас его известный охотовед С.Н. Линейцев, зашедший к нему в зимовье пообщаться, дотащил больного до дороги и организовал его вывоз. В больнице была сделана операция.

Радостно отметить, что Владислав Константинович до сих пор находится в состоянии высокого жизненного и творческого тонуса. В Вятской государственной сельскохозяйственной академии он руководил (с 1992 г.) кафедрой экономики и организации охотничьего хозяйства, избирался деканом зооинженерного факультета (с 1993 г.), переименованного в 1995 г. по его инициативе в биологический факультет.

Оставаясь приверженцем организационно-экономической тематики, он пишет и успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Роль промысловых хозяйств в освоении природных ресурсов Прибайкалья» (1964 г.). Затем — докторскую: «Эколого-экономические основы организации промыслового охотничьего хозяйства Сибири» (1982 г.). Владислав Константинович как охотовед, пожалуй, единственный по сей день доктор сельскохозяйственных наук по специальности 06.02.03. — «Звероводство и охотоведение» и 08.00.05 — «Экономика, организация и управление народным хозяйством (сельское хозяйство)». До сих пор большое внимание Мельников уделяет подготовке научных кадров — под его руководством защищено 11 кандидатских и 3 докторских диссертаций. По результатам научных исследований им опубликовано более 200 работ, в том числе 30 за рубежом. Значительный вклад сделан в учебно-методические разработки по подготовке охотоведов. Важнейшие из них — «Организация производства в охотхозяйственных предприятиях», «Введение в охотоведение», «Основы маркетинга», «Управление в охотничьем хозяйстве», «Современные принципы природопользования», ряд программ учебных дисциплин. Он соавтор учебных планов по специальности «охотоведение» и автор одного из проектов государственного образовательного стандарта по этой специальности.

Под руководством В.К. Мельникова и при непосредственном его участии разработаны зональные системы ведения промыслового охотничьего хозяйства. Работа выполнялась по плану ГКНТ СССР. Им проанализированы функции охотничьих животных как средств производства, и впервые обоснованы необходимость и целесообразность их платного использования. На этой основе разработана методика определения ущерба (компенсационных затрат) при антропогенном воз-

действии на природные ресурсы, позднее рекомендованная Сибирским отделением АН СССР для широкого использования в народном хозяйстве. Выполнены ряд работ по расчету компенсационных мероприятий при проектировании предприятий лесопромышленного комплекса. По заданию Минэкологии РФ разработана методика определения платы за использование охотничьих животных.

Ранее В.К. Мельников участвовал в разработке программы по развитию Обь-Енисейского севера, в определении численности основных видов охотничьих животных в Красноярском крае и Туве. В результате изучения экологии соболя им доказана избирательность его промысла и предложена оригинальная методика восстановления фактической структуры популяции этого вида, что существенно повысило точность прогнозирования численности заготовок. Дана классификация производственных процессов в охотничьем хозяйстве и определено их значение в воспроизводстве и использовании охотничьих животных. В.К. Мельниковым разработана структура организации охотничьего хозяйства, определены ее содержание и задачи как научного направления в охотоведении.

Большинство разработок осуществлено по заданию производственных и директивных органов. В частности, автор участвовал в проектировании и охотустройстве государственных и кооперативных промысловых охотничьих хозяйств, анализе деятельности оленеводческо-промысловых совхозов и колхозов, в разработке рекомендаций по развитию хозяйства Эвенкии, ежегодно передавались для планирования добычи и заготовок прогнозы численности охотничьих животных, выполнялась экспертиза ряда проектов для Минэкологии.

За успешную научную деятельность В.К. Мельников награжден в 1982 г. знаком «За отличные успехи в работе Высшей школы СССР», почетными грамотами Министерства сельского хозяйства СССР, Главохоты РФ.

У Владислава Константиновича два сына — продолжатели дела отца. Сердечно поздравляем юбиляра, желаем здоровья, успешных охотничьих троп и дальнейших творческих успехов.

Ю. ВАШУКЕВИЧ, О. ЖАРОВ, В. КАМБАЛИН,
С. ЛИНЕЙЦЕВ, В. РОМАНОВ,
Г. СУХОМИРОВ, А. ТРУБНИКОВ

Советы бывалых охотников

Дмитрий ЖИТЕНЁВ

Волокуши и нарты

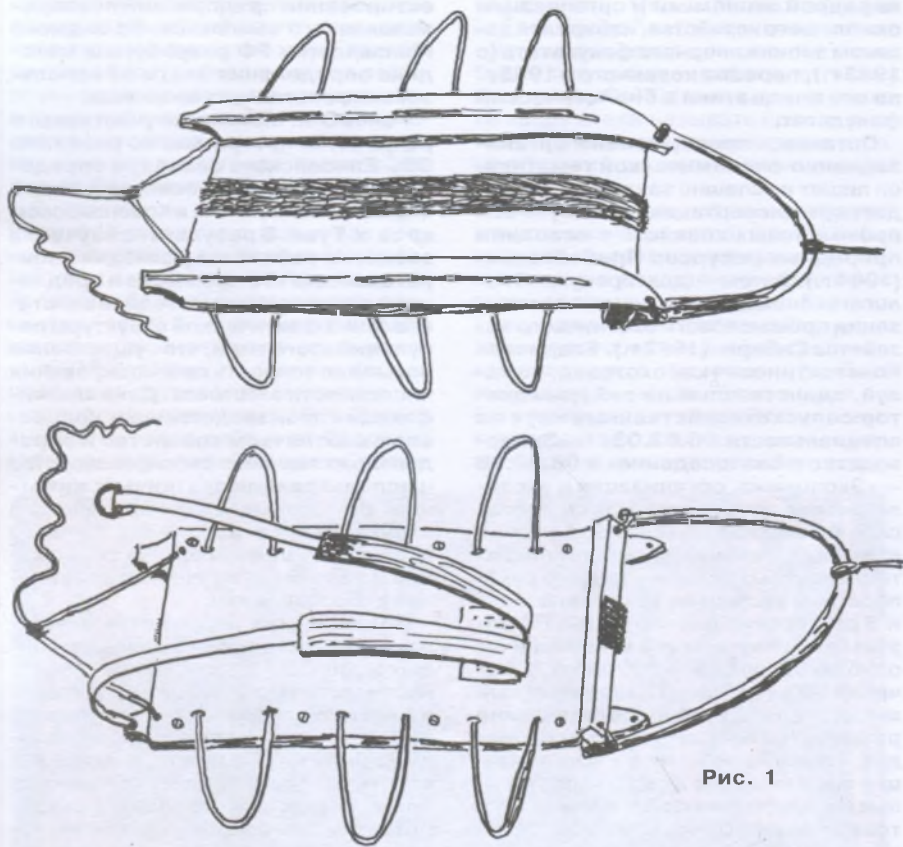

Рис. 1

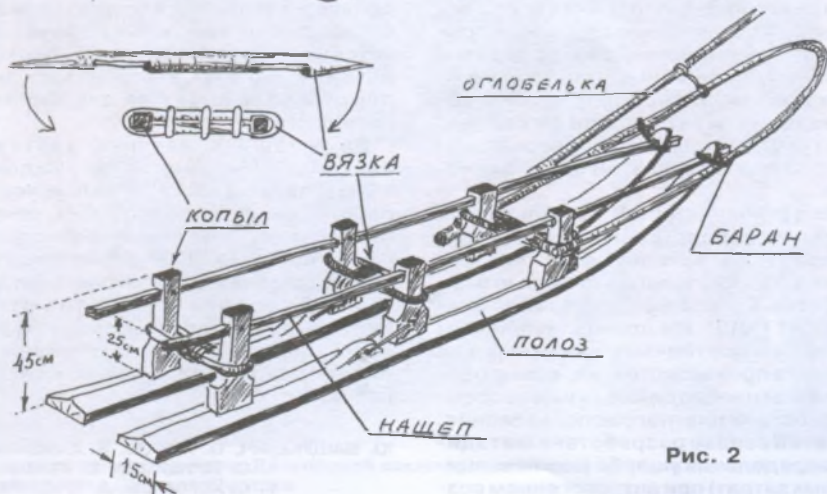

Рис. 2

Рисунки автора

Тот, кто охотился на крупного, «мясного» зверя, наверняка не раз вспоминал эти народные приспособления, когда таскал на себе добычу. Особенно если к тому месту, где добыт зверь, нет проезжей дороги.

Однажды мы вытаскивали двух лосей, добытых в пойме речки Хорошевки, притока Печоры. До избушки было километра четыре. Вся бригада унесла часть мяса еще засветло, а мы с приятелем припозднились. У меня за плечами в стареньком рюкзаке была лосиная задняя нога, задняя холка, как говорят на Печоре, а это больше двух пудов. На нарточке, в которую впрягся мой напарник, лежала целая хребтина с рёбрами и шеей — кило под восемьдесят. Досталось нам тогда славно!

В другой раз, опять же ночью, я нёс в рюкзаке здоровенную лосиную лопатку (теперь уже холку переднюю!) и, скатываясь с невысокого берега ручья, завалился в кусты. Рюкзак припечатал меня к снегу и кустикам так, что растегнуть ремень, стягивавший лямки спереди, и выбраться сам я не мог и ждал, пока подойдут другие охотники.

После этих «экспериментов» я сказал себе: «Хватит! Хватит рвать и морозить спину! Лучше плохо тащить, чем хорошо нести!» — и соорудил волокушу (рис. 1).

Я взял пару детских лыж самого маленького размера (длина примерно 70 см), из которых «вырос» мой сынишка, и привинтил к ним мелкими шурупчиками листок фанеры. Передок я укрепил поперечной деревянной планкой. Первыми конструкцию опробовали мои дети, катаясь с крутого берега Печоры. Испытание было выдержано с блеском, и я довёл дело до конца. На скользящей стороне я наклеил полоску лосиного камуса, чтобы на подъёмах волокуша не сдвигалась назад. Вдоль каждого края по лыжным желобкам просверлил дырочки и через них пропустил сыромятные ремешки петлями, а к задней части прикрепил длинный ремень, чтобы с их помощью, как шнуровкой, приторачивать груз.

Из нетолстой черёмуховой палки я согнул дугу и поставил её на переднюю часть волокуши, крепко привязав опять же сыромятными ремешками. Получился так называемый баран, который позволяет протаскивать волокушу через кусты, не цепляясь за них. Теперь можно было отправляться «по мясо».

Однако я решил сделать не просто волокушу, а одновременно и понягу, приспособление для переноски тяжестей. Для этого со стороны, противо-

положной скользящей, я пришел мягкой оцинкованной проволокой лямки от старого рюкзака. Моё «изобретение» прослужило мне несколько сезонов. Мне приходилось вытаскивать на этой волокуше груз более собственного веса, что, конечно, традиционным способом, на спине, я никогда бы не сделал.

Волокушу охотники использовали наверняка со времен каменного века. До недавнего времени сохранялись и использовались на охоте такие примитивные приспособления для перетаскивания зимой грузов или добычи, как сюрка у якутов и кысноп у коми. И то и другое — это шкура какого-либо животного, в которую заворачивают груз и тащат по лыжне. Естественно, так, чтобы волос располагался по ходу движения, на подъемах не сдавал назад, а под горку свободно скользил. Охотники коми используют шкуру собаки или телёнка, сшитую в виде конусообразного мешка, открытого с задней стороны. Через это отверстие и закладывается в кысноп груз. Тащат его за потяг с лямкой, и охотнику нередко помогает лайка. Якуты для той же цели использовали шкуру лошади, лося. Сейчас таких волокуш и не отыщешь — появились снегоходы да вертолеты.

Однако и сегодня не обойдешься без приспособлений, облегчающих охотнику транспортировку грузов в тайге. Ведь порой-то и снегоход не везде пройдет. Там же на Печоре в нашей бригаде для этого были, как я уже упоминал, и нарты, специальные охотничьи сани, которые мы использовали на вывозке мяса.

Вообще нарты как средство транспорта распространены по всей тундровой и таёжной полосе и используются в оленьих и собачьих упряжках. Они известны, наверняка, всем. А вот об охотничьих, то есть таких, которые тянет сам охотник и только иногда ему помогает промысловая, а не ездовая собака, знают немногие, да и распространены они гораздо реже, но по-прежнему важны для охотника.

Охотничьи нарты везде примерно одной конструкции и отличаются разве что длиной (у коми до трёх и более метров) или мелкими деталями — формой копыла, способом крепления его к полозу и так далее. Принцип один — чем «пересечённее» местность, тем короче нарта. Многие детали этих охотничьих саней, способы их соединения между собой такие же, как и у обычных деревенских саней, дровней, но у последних они больше размер, поскольку должны выдерживать значительные нагрузки.

В годы работы в Алтайском заповеднике я встречался с Виктором Николаевичем Надеевым, известным сибирским охотоведом. Он и рассказал мне тогда, как шорцы (народность, живущая к северу и северо-востоку от Горного Алтая) делают охотничьи нар-

ты. Потом, работая в Печоро-Ильчском заповеднике, я смог убедиться, что они практически не отличаются от нарт охотников Верхней Печоры и коми. Надо сказать, что очень многие изделия, охотничьи, рыбацкие и просто предметы хозяйственного обихода, во многом схожи у уральских и саянских охотников. Этому есть свои причины — ведь пути заселения Сибири вели туда именно с Северного Урала.

Итак, шорская нарта (рис. 2). Конструкция ясна, мне думается, из рисунка. Отмечу только некоторые особенности.

Материал на полозья — черёмуха или берёза, на копылы — берёза, на вязки и баран — черёмуха. Общая длина 2—2,5 м, а шириной нарты должна быть не более ширины охотничьей тропы, лыжни, а если превышать, то очень не намного.

Полоз для большей прочности вытёсывается с небольшим ребром по верхней части. Отверстие в полозе под каждый копыл делается сквозным, а снизу он расклинивается, чтобы сидел крепче. Средний копыл обязательно подвязывается сзади вязкой из сыromятного ремешка к полозу через отверстие в специальном, как бы сейчас сказали, приливе. Коми-охотники этого не делают.

Почему-то считается, что передний загиб и волокуши, и полозьев нарт, и лыж должен быть крутым — вроде бы легче преодолевать глубокий снег. Это заблуждение, и всё обстоит как раз наоборот. Дело в том, что лыжа или волокуша, имея даже очень слабый загиб, при малейшем движении вперед начинают как бы всплывать в снегу и движутся без особых усилий владельца. Напротив, перед слишком крутым загибом снег начинает уплотняться в ненужную и препятствующую движению грудку. Даже, если снег сухой.

Вообще все детали, требующие подвижного соединения между собой, связываются только сыromятными ремешками. Они очень надёжны, «нечувствительны» к морозу, чего не скажешь о синтетических ремнях или шнурах.

Сквозь отверстия в верхних концах копылов пропускают по длинной тонкой жердочке. Называются они нащепами. С их помощью все копылы связаны с передним концом полоза. Нащеп в отверстии копыла закрепляется клинышком через специальное отверстие.

Вязки распаривают и, огибая ими противоположные копылы каждого полоза, накрепко соединяют их концы между собой. На вязках укладывают досочки настила и привязывают их к вязкам. Иногда вместо досочек укладывают длинные тонкие стволы ивы, берёзы, черёмухи. На рисунке сам настил не показан, чтобы лучше была видна конструкция нарты.

Характерная особенность нарты — полное отсутствие каких-либо гвоздей, шурупов, даже клея, тем более

синтетики. Вся она должна как бы «дышать» и шевелиться, даже немного скручиваться на неровностях лыжни, иначе поломка неизбежна. Необходимую жёсткость нарте придает груз, равномерно распределённый по всей её длине и крепко увязанный.

Обязательная принадлежность такой нарты — оглобелька, которая выстругивается из тонкой сухой ёлки. Оглобелька не даёт нарте догнать охотника на спуске и ударить ему под колени. Тот, кто везёт нарточку, всегда удерживает её от себя на расстоянии, которое определено длиной оглобельки. Как тут не похалеть полярных путешественников, которые тащат за собой на длинных верёвочках волокуши с крышками, в общем-то неплохие и удобные в обращении. Кстати, теперь выпускают такие и для охотничьих целей. Волокуши эти на ледяных торогах постоянно догоняют лыжника и бьют его по ногам, мешают идти, отнимают и без того иссякающую энергию. Оглобелька же не только не даёт волокуше болтаться на верёвке, но и помогает охотнику увереннее держаться на самых крутых и опасных спусках. Если кто хотя бы раз видел, как умелый охотник управляет с тяжело нагруженной нартой, тот, конечно, понимает значение этой примитивной, но незаменимой детали. Ну, а волокут такую нарту, впрягшись в лямку, которая через потяг соединяет охотника с ней. Управляться в одиночку с таким транспортом довольно тяжело. Лучше всего это делать вдвоём, меняясь местами время от времени.

Кому-то покажется странным, что в век современных космических технологий я рассказываю о каких-то архаичных нартах, которые и мотора-то даже не имеют. По моему глубокому убеждению, мы должны знать и помнить, что без этих примитивных волокуш и нарт никогда не было бы разных «Буранов» и «Ямах», облегчающих сегодня трудную жизнь промысловика, человека вымирающей профессии. В конструкции первых мотоснегоходов был использован принцип волокуши. Двигатель-гусеница располагался между двумя скользящими по снегу поверхностями, а это не что иное, как деталь волокуши. Нелишне напомнить, что этот же принцип используют тюлени, выдры, пингины, скользя на брюхе по снегу не только с горки, но и по горизонтальной поверхности. Не они ли подсказали первобытному охотнику идею волокуши?

Вряд ли кто последует моим советам и станет сам ладить такие поняги, кроши или волокуши. Хотя почему бы и нет? Ведь существуют, например, в Северной Америке клубы любителей охотничьей старины, члены которых охотятся с кремнёвым оружием и используют всякое старинное снаряжение. Так что дело за самим охотником.

камчатских медведей

Ученые отмечают распространение каннибализма среди камчатских медведей. В первую очередь это происходит со стороны взрослых самцов по отношению к медвежатам, а также в результате смертельных схваток между самцами, когда победитель съедает побежденного. И хотя считается, что камчатские медведи терпимы к присутствию особой своего вида, прошедшей весной мы наблюдали совсем иную картину.

Так, в Корякин, в районе реки Левая Озерная восточного побережья Камчатки за период с 5 по 24 мая 2007 года на сравнительно небольшой площади (60 на 80 км), нами были найдены семь задранных медведей: пять взрослых самок и два молодых самца. Это только то, что нам удалось найти. Следов преследования крупными медведями более мелких мы видели предостаточно.

Было время массового выхода медведей из берлог после зимней спячки. На заснеженных небольших хребтах звери видны хорошо и далеко, поэтому в бинокль можно было наблюдать срезку по несколько медведей на одном склоне.

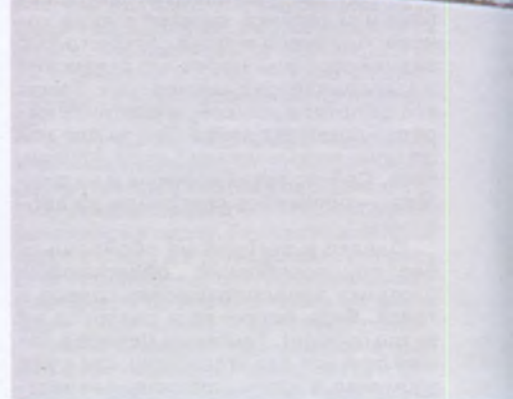
Один молодой медведь был вытащен старым самцом из берлоги и задран. Зверь прикопал тушу и лежал на ней. При нашем приближении он очень неохотно оставил добычу и, уходя, часто останавливался и смотрел на нас. На следующий день медведь вернулся к туше.

В другом случае хищник догнал и задавил молодую трехлетнюю самку на склоне небольшого холма. Картина была удручающая: следы борьбы, утоптанная площадка, залитая кровью и устеленная клоками медвежьей шерсти; голова медведицы была разбита и сплошь искусана мощными зубами. Медведь выел у самки часть внутренностей и лежал рядом с ней.

Удивительно, но зверь не был худым, у него было еще достаточно жира, шерсть лоснилась, была густой и ухоженной. Как сказал егерь: «С такими запасами можно спокойно жить до следующей весны...»

Наблюдали мы и преследование крупным самцом молодой медведицы с двумя медвежатами. Не в силах убежать от разъяренного зверя, самка была вынуждена взобраться вместе с детенышами на каменную березу. Услышав звуки снегохода, а потом и увидев нас, самец быстро ретировался в ближайšie заросли ольхи и кедрового стланика, растущих по берегам незамерзающей речки. Нам только удалось замерить его следы. Ширина передней лапы — 20,5 см, задней — 18,5.

Спасенная нами медведица не долго сидела на дереве. Как только мы стали удаляться, она быстро слезла и скорым шагом увела медвежат в противоположную сторону, поближе к каменистым местам, недоступным для крупных медведей.

Загонные охоты на копытных

А. БЛЮМ

В средней полосе и на Севере закончилась охота на водоплавающую и болотную дичь и на смену ей пришли охоты зверовые. С выпадением снега, но, как правило, не раньше 1 ноября, открывается спортивная охота на копытных и, как и ранее, самыми популярными объектами остаются лось и кабан. В зимний период практикуют обычно четыре способа охоты на этих животных: с собаками, с подхода, троплением, и загонный. При охоте с собаками число участников не должно превышать трех человек, так как иначе возрастает риск несчастного случая. Охоты тропление и с подхода вообще носят индивидуальный характер. Но чаще всего лицензии на лося или кабана выдаются на группу охотников, и, значит, для коллективной охоты остается только один способ — загонный.

Успех такой охоты в основном зависит от трех составляющих: первая —

это хорошее знание местности и распределения зверей в угодьях, вторая — организационная сторона и третья — дисциплина на охоте, как среди охотников, так и среди обслуживающего охоту персонала. В любом охотничьем хозяйстве участки, где держится зверь и можно проводить загоны, должны быть известны заранее. В течение суток звери перемещаются и перед проведением загона егеря (руководитель охоты) обязательно должны убедиться в том, что интересующие охотников животные находятся на территории данного участка. Сделать это в принципе не сложно: быстро расставив стрелковую линию, или хотя бы поставив стрелков на надежные переходы, по просекам, дорогам или естественным рубежам обехать загон по периметру и убедиться, что нет свежих выходных следов. Перекрыть основные ходы необходимо для того, чтобы не выпустить зверей в

случае, если их подшумели при обходе участка. Может случиться так, что зверей в загоне не оказалось, тогда быстро переместить команду на другой участок и проверить его тоже. К сожалению, бывает и не очень редко, когда организаторы, не особо заинтересованные в успехе охоты, предлагают делать загон «в темную». Не надо поддаваться на эти уговоры, загон проводить нужно только тогда, когда есть уверенность в нахождении там зверей. Иначе это бесполезная трата времени, а зимний день короток! Полдела иметь в загоне зверя, нужно еще правильно расставить стрелковую линию, а для этого необходимо знать его ходы.

Если загон небольшой по площади, а охотников много, все решается просто. Стрелков расставляют с интервалами, гарантирующими стрельбу на дистанцию надежного поражения.

Здесь можно не особенно обращать

внимание на переходы, они перекрываются автоматически, хотя сориентировать на них близстоящих охотников нужно. Когда зверь обрзан в маленьком загоне, кажется, что успех обеспечен при любых обстоятельствах. Однако практика показывает, что это не всегда так. При расстановке стрелков и уже на стрелковой линии надо соблюдать полную тишину, иначе напуганный непонятными и страшными звуками зверь будет стараться прорваться в любую другую сторону и иногда ему это удается. Заметно усложняется обстановка, когда загон велик по площади, тут правильная расстановка стрелков целиком зависит от знаний и опыта егеря. Обязательно нужно перекрыть входные и выходные тропы зверей, даже если зверь прошел по этому месту всего два раза. При расстановке стрелковых номеров надо принять во внимание, на какого зверя идет охота. При охоте на кабана большее внимание нужно уделить участкам с густым подростом, особенно с молодым еловым подростом, заросшим оврагам. Он не любит уходить открытыми местами и делает

это только вынуждено, стараясь проскочить их на большой скорости. Кто много охотился на кабанов, знает, что под выстрел чаще всего попадают порослята, подсвинки и свиньи, особенно свиньи-вожаки (у кабанов стадо водит свинья), которые идут впереди и первыми выходят на охотников. Это происходит оттого, что крупные секачи со стадом почти не бегают, хотя держатся поблизости. И если в загоне находится секач, то он на стрелковую линию вместе со стадом практически не выходит, а очень часто идет в стороне и старается или прорваться в сторону загонщиков, или уйти на фланги, а иногда просто затаивается в чаще и пережидает загон. Лоси избегают чрезмерно загущенных участков и довольно спокойно преодолевают значительные открытые пространства, особенно поджимаемые загонщиками.

Очень важно для успеха охоты знать, как сориентирован загон относительно ветра. Звери, уходя от опасности, очень часто стараются выбрать направление ухода от нее против ветра и понятно, что если ветер дует от стрелковой линии в загон, заставить их выйти на нее очень сложно. Большие загоны на ветер редко бывают успешными, потому что, двигаясь от загонщиков, животные имеют достаточно времени, чтобы сориентироваться, и стараются либо пройти стороной от обнаруженной опасности, либо вернуться и пройти сквозь загонщиков, тем более что при больших загонах их цепь не бывает густой. В маленьком загоне чаще удается «выдавить» зверей на ветер. Подстегиваемые густой цепью шумящих загонщиков они вынуждено идут на стрелковые номера.

Несколько слов о дисциплине. Каждый охотник должен помнить, что в руках у него смертельно опасная вещь — оружие. Чтобы не пополнить список несчастных случаев, произошедших на коллективной охоте, а они не так уж редки, нужно помнить и неукоснительно выполнять основные правила: стрелять только по ясно видимой цели, не стрелять вне пределов отведенного сектора стрельбы, не сходить с номера без разрешения руководителя охоты, заряжать оружие только встав на номер и разряжать его сразу по окончании загона.

Из всех загонных охот на копытных наиболее сложной мне представляется охота на кабана, на ней мы и остановимся подробнее. Охотничья команда делится на две группы: в одной находятся те, которые идут в загон, а в другой — которые будут находиться на стрелковой линии. Совершенно необходимое условие для успешной охоты — наличие в общей команде егерей или охотников, хорошо знающих топографию местности и места, где могут находиться кабаны. Кабаны звери сумеречного и ночного образа жизни, а загонные охоты проводятся днем,

поэтому очень важно знать распределение кабаньих стад или одиночных зверей по угодьям в разное время суток, то есть места их кормежки и дневок. Кабаны выходят на поиски корма во второй половине дня ближе к вечеру и пасутся практически всю ночь. У каждого стада или одиночки есть свои излюбленные, кажущиеся им наиболее безопасными места, где они проводят дневное время. В лесной зоне средней полосы это, как правило, леса с густым подростом из елей, загущенные молодняки на местах вырубок и гарей, окрайки болот. В южных широколиственных лесах они предпочитают участки с неровным рельефом и густым подростом, а в горах любят ложиться в средней части горного склона с подветренной стороны. Не так редки случаи, когда кабаны остаются на дневку в высокоствольных почти без подростка лесах, но это обычно бывает в богатых кормами угодьях: кедрачах, дубняках, буковых лесах. И конечно, там, где их почти не беспокоят. Так вот, для успешной охоты нужно обязательно знать места дневок этих зверей. Если охота проводится в бесснежный период, то особая ответственность ложится на организаторов, потому что следы видны плохо, и по ним трудно сориентироваться, куда, когда и сколько прошло кабанов. При наличии снега задача значительно упрощается. Если неизвестно точно, в каком месте они ложатся, то, обходя по периметру поочередно участки леса, где с наибольшей вероятностью могут находиться звери, по входным и выходным следам их местонахождение можно определить достаточно точно.

Не стоит начинать охоту очень рано, надо дать животным, пришедшим с кормежки, прийти на место дневного отдыха и немного облежаться. Иначе они, будучи еще на ходу, и побеспокоенные охотниками во время расстановки стрелковой линии и движения загонщиков, не остановятся, а сразу пойдут на уход, и перехватить их будет уже очень трудно.

Как уже говорилось, команда охотников делится на две группы: загонщиков и стрелков. Сложно давать рекомендации по поводу числа загонщиков, так как это зависит и от общего числа охотников в команде, и от площади участка, на которой проводится загон, и от характера леса. Расстановка стрелковой линии тоже требует определенного опыта. Кабаны, выходя на кормежку и возвращаясь на дневку, часто пользуются одними и теми же своими тропами, особенно если снег глубокий. В охотничьих хозяйствах, где загонные охоты на кабанов практикуются достаточно часто, егеря хорошо знают ходы или лазы этих зверей и всегда закрывают их стрелками.

Бывает так, что охота проводится без опытных егерей или охотников. На что надо руководителем обратить внимание? Уходя от опасности, кабаны чаще

Фото Л. Мамонова

всего выбирают густой лес с хорошим подлеском, захлащенный ветровалом или с густой и высокой травой. Поэтому, если число охотников на стрелковой линии ограничено, нужно стараться в первую очередь перекрыть именно такие участки. Решая, откуда нужно заходить загонщикам и где расставлять стрелков, обязательно принимать во внимание направление ветра. Кабаны обладают прекрасным обонянием и слухом, поэтому загон по ветру почти никогда не бывает успешным. В крайнем случае, ветер должен дуть вдоль стрелковой линии. Побеспокоенные звери очень не любят идти по ветру, так как они теряют контроль над общей обстановкой, и не в силах распознать опасность впереди себя по ходу движения. Здесь — то и должно проявиться искусство загонщиков и руководителя загона, чтобы направить их в нужную сторону. Не имея возможности воспользоваться обонянием, кабаны, да и не только они, стараются передвигаться своими, хорошо известными и безопасными, по их мнению, ходами. Загонщики, двигаясь по лесу, обязательно должны проверить все места, в которых могут находиться кабаны. В практике таких охот сколько угодно случаев, когда звери затаивались, пропускали мимо себя загонщиков и уходили в противоположную от стрелков сторону, особенно если кабаны уже с опытом и не раз попадали в подобную ситуацию. Особенно отличаются этим старые секачи.

Охотники, находящимся на стрелковой линии, нужно вести себя абсолютно тихо и быть в постоянной готовности к выстрелу. Вынужденные

идти по ветру, кабаны редко несутся сломя голову, они обычно бегут рысью, часто останавливаясь, чтобы определить есть ли впереди опасность. Как правило, стрелков расставляют на просеках, дорогах, по линиям электропередач и пр. Стрелять вдоль стрелковой линии запрещается категорически. Значит охотник, стоя на номере, должен заранее определить себе зону стрельбы или, как говорят, сектор обстрела. Стрелять можно в сторону загона и по зверю, проскочившему стрелковую линию. Очень часто кабаны, двигаясь по чаще, перед чистым пространством просеки или дороги приостанавливаются на несколько секунд, чтобы потом стремительным броском преодолеть открытый участок. Этим должен воспользоваться охотник, чтобы сделать выстрел. Время, на которое приостанавливаются звери, зависит от ширины открытого пространства: узкую просеку или дорогу они проскакивают схода, а перед широкими иногда стоят секунд по 20 и более.

Загонные охоты практикуют не только в лесной зоне. Автору неоднократно приходилось участвовать и организовывать их в тростниковых зарослях. Сложность этих охот заключается в том, что выгнать кабанов из тростника на открытое место дело совершенно безнадежное. От опасности они стремятся уйти в самые крепи и даже в воду. Тем более что определяют ее (опасность) они очень быстро, потому что в тростнике невозможно идти бесшумно. Но и там не все безнадежно. Поперек направлений наиболее вероятного движения кабанов в тростнике

делают достаточно широкие прокосы и стрелков расставляют на них, только смещают их к внешней стороне, чтобы открытое пространство было перед ними, и тем самым исключить стрельбу вдоль стрелковой линии.

В чистых (без подлеска) горных лесах тоже можно делать загоны. Только там кабанов почти невозможно заставить идти вниз. Первая мысль, которая приходит малоопытным охотникам в горах, что лучше всего загонщиков послать наверх, а стрелкам расставиться по распадку. Однако опыт показывает, что наиболее результативны загоны вдоль склона. В распадке, конечно, одного-двух стрелков поставить нужно, но это будут крайние номера, остальных же расставить от распадка вверх.

Стоит ли на загонных охотах использовать собак? Однозначный ответ дать трудно. Безусловно, собаки (речь может идти только о рабочих собаках) быстро находят зверей, если таковые имеются в загоне, но работают они по ним по-разному. Если они находят одиночного, крупного кабана, то часто они не торопятся уходить от них, а забиваются в «крепкое» место и стараются отбиться. Охота из загонной превращается в охоту из-под собак, где главным действующим лицом становится один из загонщиков. Если же загонщик стрелять не имеет права и старается только выгнать кабана из крепи, зверь это быстро понимает, прорывается мимо него, и потом завернуть его на стрелковую линию удается далеко не всегда, потому что главными врагами для него становятся собаки, а от них он будет уходить в любом направлении и, скорее всего, не по ветру. Лучше обстоит дело, когда в загоне находится стадо. Нужно помнить, что собаки работают избирательно и, если есть возможность, предпочитают нападать на молодняк, то есть на то, что им по силам, а не на крупных зверей. Поэтому, отбив от стада одного-двух поросят или подсвинок, собаки задерживаются с ними, а оставленное ими, но напуганное стадо, в панике от двойной опасности сзади — собак и загонщиков, устремляется на стрелковую линию. Из-под собак кабаны бегут очень резко, и стрельба по ним становится сложнее.

Дистанции стрельбы на загонных охотах редко бывают большими. И в лесу, и, тем более, в тростниках обзор ограничивается естественными преградами, а стрельба зачастую требуется быстрая, поэтому хорошие результаты дает использование гладкоствольного оружия с патронами, снаряженными пулями и крупной картечью. Сейчас большинство нарезного оружия оснащено оптическими прицелами, которые для стрельбы на небольшие дистанции пригодны мало. Очень важно, чтобы установка оптики не мешала вести стрельбу с обычным открытым прицелом.

Фото А. Дигилевича

10-ая ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ОХОТНИЧЬИХ СОБАК

Л. ГИБЕТ,
эксперт всесоюзной категории

Уникальность российского охотничьего собаководства заключается в том, что оно развивается по законам науки и зоотехнии, используемым в животноводстве, обязательным к исполнению на всей территории России. Именно поэтому все Правила и Положения — о выставках, племенном разведении, о полевых испытаниях и состязаниях охотничьих собак, усовершенствованные в 80-х гг. XX века, были обсуждены на Всесоюзном кинологическом совете, состоявшем из ведущих экспертов-кинологов и утверждены Министерством сельского хозяйства (МСХ) СССР.

Нельзя сказать, что такой подход к охотничьему собаководству возник сразу. Природные условия, обширные просторы и экономические особенности быта народов России послужили основой к эксклюзивному развитию пород охотничьих собак. Подобные мысли начали высказываться уже во второй половине XIX века и особенно усилились в первой половине XX-го. Тому причиной послужили войны и обнищание народа. Именно в этот период особенно ценилась пушнина, позволявшая выживать как промысловикам, так и стране в целом, добыча которой немислима без охотничьих собак. Для этого было необходимо специально разводить собак и сохранять породы, используя основы животноводства.

В качестве примера высказывания кинологов того времени можно привести замечания Г. И. Демидова, который еще в 1926 г. в журнале «Уральский охотник» писал о том, что для сохранения охотничьих лаек нужны согласованные действия крестьян, «которые должны встать на путь, указанный нам агрономами животноводов». Словом, необходимо вести породу лайки и вести ее в чистоте, принимая во внимание ее полевые (зверовые) качества и учитывая ее внешний вид. Здесь же он делает вывод, что «Породу вести могли бы сами крестьяне, но по правилам правильного животноводства». Дальше автор предлагает создать Питомник зверовых лаек для снабжения ими крестьян. Всероссийский Союз Охотников очень заинтересован в улучшении породы лаек и при-

Открытие выставки — в центре Э.В. Бендерский — председатель Центрального правления Ассоциации «Росохотрыболовсоюз», справа В.Е. Грабарник — заместитель губернатора Тверской области, слева (в первом ряду) А.П. Мурашов — президент Центра кровного собаководства МООИР

глашает привозить собак в Москву и Ленинград на выставки. Вопрос этот, видимо, назрел и по такому пути пошли российские кинологи.

В отличие от других отраслей животноводства, собаководство обладает своими специфическими особенностями. Главная из них — индивидуальное владение собакой. Большие питомники, в основном лаек, в общем процессе играют незначительную роль, к тому же они финансово затратны и нуждаются в постоянных инвестициях. Частные питомники из одной-нескольких собак можно рассматривать в качестве индивидуального владения если не одной, то несколькими собаками. Поэтому все поголовье породистых охотничьих собак, а их по очень неточным подсчетам более 80 тысяч, для совершенствования охотничьих качеств и экстерьера, что неотделимо друг от друга для рабочих собак, должна развиваться по единым Правилам и Положениям. Это осуществимо не только с помощью единых подходов кинологов региональных охотничьих организаций России (областных, краевых и т.п. обществ охотников), но и ежегодно проводящихся выставок охотничьих собак, которые являются племенными мероприятиями. Однако отдельные мероприятия, проводящиеся на огромной территории России, не могут дать цельного представления обо всем охотничьем собаководстве и поэтому в XX веке центральные общественные охотничьи организации стали более или менее регулярно, один раз в 4-5 лет, проводить Всероссийские выставки охотничьих собак. На этих выставках выявляются не только лучшие собаки в породах, но и лучшие регионы России, где наиболее грамотно ведется охотничье собаководство.

Итак, 10—12 июня 2007 г. состоялась

очередная, ставшая юбилейной, 10-ая Всероссийская выставка охотничьих собак. Провели эту выставку Центральное правление Ассоциации «Росохотрыболовсоюз», Тверское общество охотников и рыболовов при существенной поддержке Администрации Тверской области, Россельхознадзор по Тверской области, а также Российская федерация охотничьего собаководства (РФОС).

Организация громадной выставки, на которой предполагалась демонстрация более двух тысяч охотничьих собак, потребовала огромного труда и больших материальных затрат. Она не могла бы осуществиться без помощи спонсоров: Издательство «Деловой мир», Объединенный Региональный Банк, Московский Областной Банк, партнера «Спортмастер» и других, а главное — организации Выставочного комитета, сопредседателями которого стали губернатор Тверской области Д.В. Зеленин и Председатель Центрального правления Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» Э.В. Бендерский. Основные же тяготы по организации выставки легли на плечи заместителя губернатора Тверской области В.Е. Грабарника и эксперта отдела охотпользования и рыболовства А.Г. Пономарева. Вся кинологическую работу по выставке провели сотрудники Росохотрыболовсоюза под руководством начальника отдела охотничьего собаководства М.Г. Кузиной.

Выставка проводилась в соответствии с действующими «Правилами проведения выставок охотничьих собак на территории СССР», утвержденными Приказом Главного управления по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйству МСХ СССР от 26 февраля 1985 г. В соответствии с появлением некоторых новых правил испытаний в Правила внесены необходимые дополнения.

ЧЕМПИОНЫ 10-ой ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ ОХОТНИЧЬИХ СОБАК

Порода	Общее число собак	Пол	Чемпионы	Владелец	Город область
Русская псовая борзая	133	кобель сука	Русская Вольница Мазай 2985/03 Сирень 2798/01	Ковалев В. Г. Мальшенко А. Э.	Москва Москва
Хортая	23	сука	Дуся-I 0193/02	Дронов В. И.	Тамбов
Грейхаунд	19	кобель сука	Лиосгарб Бест 1137/05 Чили Пеппер 1070/03	Бондарев В. Н. Собенников Д. Б.	Ростовская обл. Москва
Уиппет	10	кобель	Сухов Товарищ	Глыбарь В. К.	Днепропетровск
Русско-европейская лайка	177	кобель сука	Кум 8102/01 Туйка 8062/01	Лебедев В. А. Никитин Е. О.	Московская обл. Вологда
Западносибирская лайка	346	кобель сука	Амба 3005/00 Урча 2929/00	Шиндаров А. А. Ларюхин М. Н.	Москва Московская обл.
Карело-финская лайка	71	кобель сука	Юха 2114/01 Лялька 2105/01	Татаринцев А. В. Червяков А. В.	Карелия Удмуртия
Востоносибирская лайка	41	кобель сука	Тобол 1464/01 Юрга 1439/00	Савилов А. А. Мартыч А. Н.	Москва Москва
Русская гончая	177	выжлец выжловка	Бушуй 9551/01 Песня 9988/01	Семенчуков Л. И. Пастушок С. А.	Орловская обл. Тамбовская обл.
Русская пегая гончая	119	выжлец выжловка	П.-Гусар 4922/03 Метель 4957/03	Былинин А. В. Рыжков В. В.	Тула Тамбовская обл.
Эстонская гончая	39	выжлец выжловка	Тимотей 1378/00 Авеста 1376/00	Богдасаров А. М. Петунин А. А.	Москва Сыктывкар
Жесткошерстный фокстерьер	40	кобель сука	Рус Фокс Лидер 5276/01 Мотя 5209/03	Сулова Т. В. Дрейманис Я. Л.	Москва Москва
Гладкошерстный фокстерьер	42	кобель сука	Пират-II 1762/99 Династия из Животевки	Казимерский С. С. Храпов И. Н.	Московская обл. Украина
Немецкий охотничий терьер	127	кобель сука	Дарк 4181/02 Ойра 4709/05	Акопян А. Е. Григорьева М. А.	Москва Москва
Вельштерьер	9	сука	Дана 1941/02	Романов В.	Светлоград
Скотчтерьер	4	сука	Килти 0010/01	Федотов С.	Москва
Гладкошерстная такса стандартная	78	кобель сука	Бард 3779/00 Ева Моир 4069/01	Ряснянская Ю. С. Краюшкина О. П.	Москва Москва
Жесткошерстная такса стандартная	29	кобель сука	Бруммер Баско 4486/03 Илка 3 Лаховиц 3903/00	Ивченко А. С. Загрядская М. В.	Челябинск Москва
Длинношерстная такса стандартная	16	кобель сука	Грин 4094/01 Анжелика 3844/00	Тюрин А. В. Мелентьева О. А.	Москва Москва
Длинношерстная такса карликовая	2	кобель	Дакс-Вег-Ас Плейбой	Размыслова Г. Карху Н. Н.	Сыктывкар
Пойнтер	32	кобель сука	Вермут 2186/03 Бия 2168/03	Саноян М. А. Сорокин О. П.	Пятигорск Калуга
Английский сеттер	56	кобель сука	Ярик 2555/01 Мисс Шанс 2532/01	Шор Д. А. Смирнова Т. А.	Ярославль Москва
Ирландский сеттер	57	кобель сука	Барри 2615/01 Заря-Зарница 2628/02	Курнаков В. С. Ильин Г. И.	Москва Москва
Шотландский сеттер	28	кобель сука	Камусфеарна Вилкинсон (Один) 1534/02 Зита 1561/04	Смирнова Е. В. Громов В. А.	Москва С.-Петербург
Немецкая короткошерстная легавая (курцхаар)	129	кобель сука	Слайд 2655/01 Кира 2718/07	Тосенко С. А. Баринов А. П.	Московская обл. Москва
Немецкая жесткошерстная легавая (дратхаар)	133	кобель сука	Квандо ф. Остеррайзенхоф 2800/01 Валькирия 2709/00	Лактюшин Н. Н. Бабаян А. М.	Брянск С.-Петербург
Веймарская легавая	11	сука	Аттила зе Скарезу 1005/02	Зайцева Т. Ю.	Москва
Венгерская выгла	9	кобель	Вихард Дончи 1001/02	Слижевская Е. В.	Москва

Порода	Общее число собак	Пол	Чемпионы	Владелец	Город область
Родезийский риджбек	10	кобель сука	Максвуд Тиомбо 0010/06 Санта Барбара 0001/05	Шанина И. В. Орлова О. Б.	Москва Москва
Русский охотничий спаниель	139	кобель сука	Руслан 4240/00 Ин-Веста 4154/98	Прошин А. Ю. Старостин А. А.	Московская обл. Москва
Английский кокер-спаниель	11	кобель	Скифф Каприс Бордо 1498/01	Товара Т. К.	Москва
Лабрадор ретривер	41	кобель сука	Азир 1080/03 Мерлин Стар 1034/00	Хачатуров А. С. Васильков П. В.	Московская обл. Москва
Голден ретривер	6	сука	Юта Толедо 0008/03	Толмачева О. В.	Тамбов

Пойнтеры – чемпион породы Вермут 2186/03 (слева) и сука Никс 2162/02 вл. М.А. Санояна (г. Пятигорск)

Русская гончая – чемпион породы Бушуй 9551/01 вл. Л.И. Семенчуков (Орловская обл.)

Ринг русских псовых борзых

Русско-европейская лайка – чемпион породы Кум 8102/01 вл. В.А. Лебедев (Московская обл.)

Председатель Главной экспертной комиссии, эксперт Всероссийской категории Ю. В. Полуйко (слева) и губернатор Тверской области Д. В. Зеленин (справа) поздравляют представителя команды МГО ВФСО «Динамо» А. А. Старостина, получившего приз за 2-ое место

ИТОГИ КОМАНДНОГО ПЕРВЕНСТВА СРЕДИ РЕГИОНОВ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ АССОЦИАЦИИ «РОСОХОТРЫБОЛОВОСЮЗ»

Занятое место	Команда	Зачетный балл	Общий балл 10-ти зачетных собак
1	МООиР (Московское общество охотников и рыболовов)	89	1443
2	МГО ВФСО «Динамо»	79	1168
3	МОО (Ленинградское общество охотников и рыболовов)	78	1126
4	Коми РООиР	77	1167
5	КОС МВОО ЦО МОРФ (Военно-охотничье общество)	77	1125
6	Тульское ООиР	76	1231
7	Ставропольское КООиР	76	1229
8	Челябинский «Облохотрыболовсоюз»	76	1228
9	Ярославское ООиР	76	1180
10	Вологодское ООиР	73	1281
15	Тверское ООиР	73	1126

ИТОГИ КОМАНДНОГО ПЕРВЕНСТВА СРЕДИ КЛУБОВ И ПИТОМНИКОВ

Занятое место	Команда	Зачетный балл	Общий балл 10-ти зачетных собак
1	Тамбовская региональная общественная организация «Клуб любителей охотничьих собак и правильной охоты «Заря»	80	1111
2	Межрегиональная кинологическая общественная организация МКОО «Империя»	78	1084
3	Нижегородский областной клуб охотничьего собаководства	76	1229
4	Межрегиональный кинологический центр «Лисья нора»	75	1110
5	Клуб «Содружество Норд-Флагман»	72	1331
6	Клуб «Лайка зс» (Москва)	72	1236
7	Клуб «Лайка ре» (Москва)	70	1106

Выставка должна была стать грандиозной, так оно и получилось. В Тверской области, практически на окраине Твери была подобрана довольно обширная территория, на которой разместились 41 ринг для оценки охотничьих собак разных пород. Работали около 150 экспертов (137 — на рингах и 12 в Главной экспертной комиссии) в основном из России, а также из Украины, Белоруссии и Литвы. Председателем Главной экспертной комиссии был эксперт Всероссийской категории из г. Твери — Ю. В. Полуйко.

На выставке демонстрировали 2206 собак 44-х пород, из которых 24 широко распространены и традиционно используются на охоте в России. Как всегда больше всего было лаек — 635, второе место по количеству заняли легавые — 457, третье — норные — 349, затем гончие — 336, борзые — 219, спаниели — 151 и ретриверы — 49.

Помимо экстерьерной и комплексной оценки собак разных пород, выявлялось первенство команд различных регионов России (табл. 2), а также среди клубов. Как и в предыдущие годы первое место среди регионов заняло Московское общество охотников

и рыболовов (МООиР). Всего приняли участие команды из 43 регионов и 23 клубов. Отдельных собак привозили со всей России, Украины, Белоруссии и др. Следует отметить, что во многих регионах, где общества охотников не способствуют развитию охотничьего собаководства, образовались общественные организации — клубы, которые взяли на себя эти функции, как, например, в Тамбовской, Нижегородской и некоторых других областях. К сожалению и в Московской области стали выделяться клубы по породам. Все это не так уж хорошо, как может показаться сначала. Дело в том, что когда все собаки хотя бы на областном уровне объединены в многочисленные секции по породам, то условия для зоотехнически правильного разведения у них несравненно лучше, чем при замыкании в сравнительно немногочисленных клубах. Все время кинологи стремились к племенному разведению собак по единому плану сравнительно большого поголовья определенного региона, а сейчас происходит совершенно ненужное и даже вредное дробление поголовья.

Что же показала 10-ая Всероссийская выставка? Первое, то, что в целом Россия обладает обширным и высококачественным поголовьем охотничьих собак как в экстерьерном, так и в охотничьем плане. И этому способствует разведение по единому Положению племенной работы, Правилам испытаний и проведения выставок с применением бонитировки, т.е. комплексной оценки по охотничьим качествам, экстерьеру, происхождению и полученному потомству. В разных породах от 60 до 80 % взрослых собак получило высшие оценки — отлично.

На ринге карело-финских лаек – кобели старшей возрастной группы: Рэму 2378/06 А.Н. Николенко, ч. Лампи 2187/02 А.К. Горькова. Эксперт Л.А. Гибет

Второе — принят правильный подход к оценке экстерьера на выставке, т.е. сравнительно глазомерный анализ с оценкой каждой собаки от первой до последней и при этом ее гласное описание.

Безусловно, как и любое значительное мероприятие, не обошлось без отдельных накладок, которые мешали проведению отдельных мероприятий, но по прошествии времени стали казаться мелкими. Такие, например, как неправильно рассчитанные площадки для рингов охотничьих спаниелей, борзых, в результате чего английские и ирландские сеттеры оказались без рингов. Ринги были наскоро организова-

ны, но полностью не оборудованы, и экспертиза началась с большим опозданием. Или — лишние, затянувшие начало работы экспертов на рингах, праздничные шоу. Однако основное, на что следует обратить внимание на будущих выставках — это крайне незначительные, даже обидные призы для чемпионов и призовых собак. Лучше было бы скромнее принимать экспертов, но больше внимания уделить владельцам охотничьих собак. А в целом впечатление от выставки осталось весьма положительным, и эксперты, занимающиеся племенным разведением собак своих пород, долго будут анализировать результаты экспертизы.

Окончание выставки. Парад чемпионов

АНГЛИЧАНКА АЗА

В. ГРЕКОВ

Официальное приобщение меня к великому братству собаководов произошло лишь после того, как я приобрел у В.А. Ольхи от впервые завезенных в СССР малых монстерлендеров щенка, которого окрестили Шуткой. Она оказалась не лучшим полевым работником, но когда я остался и без этой собаки, то одному в поле было очень скучно, однако в коммуналке о собаках не могло быть и речи.

Нежданно-негаданно моей матери, как жене погибшего в ВОВ офицера, как участнику войны, припало совершенно бесплатное улучшение жилищных условий, и наша семья переехала из центра Одессы в самостоятельную 3 комнатную квартиру на северной новостройке («Посёлок Котовского»), где город круто обрывается у полей, рассеченных на большие квадраты лесополосами.

Памятя о замечательной охотнице Пальме-2, я заказал теще привезти из Москвы щенка красного или, на худой конец, английского сеттера. В момент выполнения заказа у ирландистов щенков не оказалось, и мне доставили щенка английского, то бишь крапчатого сеттера от Флинта ВРКОС 1699/а и Нормы ВРКОС 1803/а. Причем заводчик настойчиво допытывался у тещи, для чего нам щенок, что вызвало у меня некоторые сомнения, поскольку Аза до безвременной кончины так и не потекла. Как назло, в это же время в одесской секции кровного собаководства появились конкуренты — еще две сучки этой же породы. По всеобщему мнению, Аза оказалась красивее, была трехцветной с преобладанием по спине красивого черного крапа, поэтому назвали ее Азой.

Росла Аза в хороших условиях, кругом стройка — ямы да бугры, а в 100 метрах разнотравное поле, отведенное под стадион, где во множестве гнездились посметухи (хохлатые жаворонки), каменки и прочие наземные птицы. Примерно в 4 месяца собачка начала делать стойки по всем птичкам. Как и у цыганок, характер у собачки был упрямый и своенравный. Порой забрать ее домой, пока не набегается, стоило больших трудов, и однажды, изыскав все возможности, мы ее оставили, но вечером Азу нигде не нашли. Ночью мы выскакивали на всякий собачий лай, но понапрасну! Жена винила меня, а я — ее! Утром, выглянув в окно, я увидел гуляку на бугре возле нашего дома, откуда она любила обозревать окрестности! Вероятно, красивую собаку взяли себе, но она устроила такой скандал, что от нее отказались! С тех пор не было проблем в плане «домой!»

Бог сотворил из ребра Адама Еву. Еву совортил дьявол, Ева — Адама, за что Творец изгнал людей из Рая, но в напуществе дал людям истинно верного и бескорыстного друга — собаку.

Учитывая неудачный опыт вакцинации в г. Херсоне щенка малого монстерлендера против опаснейшего для собачьих заболеваний — чумы, к величайшему сожалению, я не вакцинировал против него Азу. Возмездие наступило вскоре после испытаний легавых по перепелу, где состоялось общение с множеством собак. Аза тяжело перенесла острую стадию заболевания, после чего она, шатаясь от слабости, кралась к посметухам и становилась на стойки. Хотел ее остановить, но жена не посоветовала — пусть, мол, получает удовольствие. До чего была сильна охотничья страсть у этой собачки!

После болезни чутье у Азы снизилось, но по вальдшнепам она прекрасно работала. Когда мы в первый раз попали на осеннюю высыпку, то азарт овладел не только мной, но и первопольной (7-месячной) собачкой. Она впервые встала по вальдшнепу и принесла его, упавшего далеко на пашню, но больше птиц не подавала. Аза отличалась большим умом и удивительной преданностью и готова была безрассудно защищать нас. С годами после Азы у меня было много дорогих сердцу собак, почивших и ныне живущих, но никто из них не умел так здорово будить поутру, как это делала Аза! Встав со своей гигиенической постельки, она тихонько подходила к кровати, засовывала голову под одеяло и... буквально выкала свой холодный нос в мой теплый бок! Такое иезуитское действие (словно ведро холодной воды) могла придумать лишь очень умная собака, в то время как другие либо скулят, либо молча ждут у двери, а более смысленные скребут хозяина когтистой лапкой, и если таким образом разбудят, то выразительно смотрят ему в глаза. Разумеется, что это куда проще и менее действительно, чем то, что придумала Аза!

Однажды я захотел потренировать Азу на подраненном вальдшнепе, но ничего не получилось: собака, как только прихватила особый запах, то напрямик, без стойки мчалась к битой птице. В неполный год Аза по собственному разумению сходила со стойки, осторожно смещалась на противоположную сторону, так что вальдшнеп оказывался между нами, при этом нередко поднятый по команде кулик чуть не сбивал мне шапку! Вскоре Аза поняла, что в узкой лесополосе незачем искать внутри, когда она про-

Фото В. Животченко

нюживается с подветренной стороны, и охота модернизировалась следующим образом: я ехал на велосипеде по дороге с наветренной стороны, а собака бежала впереди с подветренной. При стойке я не спешил ставить велосипед на подножку, готовил ружье, подходил поближе и командовал «Вперед!» Птица вылетала на мою сторону и становилась легкой добычей. Такая метода буквально бесила пеших кнехтов, так как после меня трудно было найти что-либо. Однажды утром, торопясь на работу, я довольно резво катился на велосипеде к дому вдоль последней перед городом лесополосы. Аза бежала с противоположной стороны. После первой стойки вылетел пастушок, а вторая стойка... по вальдшнепу, которого перепелятник убил, ошпиал грудь и принялся было есть, да не пришлось — с неохотой ястреб, сверкая злыми желтыми глазами, сначала поднялся на ветки ближайшей гледичии, а потом, наконец испугался и улетел не солоно хлебавши! В очень широкой лесополосе, что тянулась целый железнодорожный пролет от завода Центролит вплоть до дачного поселка Кулиндорово (Степовое), иногда собака скрывалась из вида, и находили ее на стойке.

Припоминается открытие охоты по перу в 1980 г., когда в окрестностях с. Краснознаменка, где у вершины небольшой балки пробивался из-под земли родничок и стояло поблизости несколько сухих деревьев, мы охотились на обыкновенных горлиц. Как только солнце поднималось на два диаметра из ближайшего леса, с полей прилетали горлицы. Чаше они направлялись в этот густой лесок и, пораздумав там малость, по 3-4 и стайками

по 10 птиц и более летели на водопой. Здесь также сначала они присаживались на сушины и, оглядевшись, спускались к воде, где, в отличие от кур, не запрокидывая голову, торопливо втягивали в себя воду и тотчас отправлялись на отдых в тот же лесок. Вблизи этих сухих деревьев маскировались братья Дудники. Старший из них — Виктор уступал первый выстрел младшему — Толику. Тот бил сидячих, затем следовали еще 3 поспешных выстрела братьев влет. Перепуганные птицы, словно пули, переваливаясь с крыла на крыло, неслись на противоположный взгорок, и теперь стрельба по ним была очень и даже очень трудной. На предполагаемом их пути, на краю балки, среди выгоревшей травы, подле захиревшего почти кустика вяза обосновались мы с Азой. Я снял куртку и прикрыл диссонирующую на местности слишком яркую собаку. Вслед за выстрелами Дудников собака вскакивала выяснять результат и безнадежно отпугивая налетающих горлиц. Более того, даже малого шевеления было достаточно, чтобы птицы свернули. Таким образом я пропустил много возможностей, пока Аза поняла, как надо вести себя в засидке, и это усвоила прочно! Через несколько дней всей семьей пошли на море купаться и, разумеется, взяли с собой собаку, которая, увидев налетающую чайку, буквально распласталась на песке, при этом очень осторожно поворачивала голову, наблюдая за пролетающей птицей!

Сезон по перу в Одесской области обычно заканчивался 1 декабря, а с норными собаками на лисиц и прочих вредных животных длился вплоть до марта, поэтому мы решили приобрести фокстерьера, что оказалось весьма нелегким делом. Помогло лишь то, что, бывая в Москве по диссертационным делам и часто посещая там клуб кровного собаководства, я познакомился с Алексеем Васильевичем Чухляевым — завзятым фоксятником, который убедил меня остановиться на более практичных и ярких гладкошерстных фокстерьерах вместо жесткошерстных и помог приобрести очень красивую суçonку (от ч. Джоя Бритнева и «черной лошади» Азы Александрова), которую после мучительных раздумий, назвал в честь египетского воина — Радамес! А почему бы и нет? Ведь есть Алек-

сандр и Александра, Иван и Ивана, Виктор и Виктория, Руслан и Руслана и т.д. Да иностранные имена, к тому же, вообще не имеют родовых изменений! Так что все в порядке, и больше мне такого имени у собак не встречалось.

Аза приняла Радамес как родную: трогательно заботилась о ней, пытаясь учить всем наукам, что восприняла сама: носить поноску, бежать домой по первому зову, возвращаться, искать и приносить потерянные вещи — в общем, на первых порах проблем не возникало. Но с ростом щенка начались разборки на извечный собачий манер: кто есть кто! После одной из них Аза пришла ко мне жаловаться, выставляя напоказ прокушенную лапу. Когда я спросил: «Кто это сделал?», то пострадавшая развернулась и указала носом на Радамес! Пришло время вакцинировать питомцев против бешенства. Аза восприняла укол безропотно, пожалу даже с благодарностью, но, в отличие от нее, Радамес утинула настоящий скандал. Аза прыгнула на диван, где мы делали прививку, встала над Радамеской и начала вычитывать с разными интонациями в лае все, что она думает по этому поводу!

К несчастью, чума не исчезла, а зашла в организм Азы, приняв хроническую форму, и при нагрузках коварное заболевание проявлялось вновь и вновь. По назначению ветеринаров я применял новейшие антибиотики, которые, разумеется, не уничтожали вирус чумы, но зато действовали на сопутствующую бактериальную флору.

Последняя охота с Азой состоялась поздней осенью, когда выпал и местами растаял снег. Тогда я решил посетить старую посадку с могучими деревьями и даже с лесной травой, что находилась в километре северо-западнее села «Молсовхоз», где обычно оставались на зиму несколько молодых вальдшнепов. Родня уговорила взять Азу, чего до сих пор простить себе не могу, так как к обеду развезло и собака вскоре вымокла. Как назло, случилось так, что накоротке выстрелом отрезало буквально под корешок вальдшнепу нос, а птица хоть и улетела, но была обречена. Делом чести следовало добыть ее, на что ушло уйма времени.

После этой охоты Аза опять заболела, но теперь проверенные антибиоти-

ки не приносили желаемого результата. Собака чувствовала это — осторожно брала в зубы мою руку со шприцем и отводила в сторону, но я продолжал ее «спасать»! На улице Аза искала среди иссохшей травы необходимое лекарство и не находила его. При виде этого сердце сжималось от жалости. В Институте вирусологии мои коллеги предложили найти крапчатого сеттера, переболевшего чумкой, взять у него кровь, приготовить иммунную сыворотку и ввести больной. Такого сеттера удалось найти, но опоздали — Аза безвременно скончалась! Дома была трагедия. Похоронили члена семьи недалеко от дома — в лесной полосе, на «Новодевичьем кладбище», где уже покоились перепелка, которой сенокосилкой отрезало крыло и канарейка, которая прилетела ко мне на лоджию почти голая и всего лишь на 2-3 маховых перьях! Обе птички оказались девочками. Правда, я сомневался, какого пола канарейка: полагая, что она самец (поскольку пела), я чуть было не купил ей самку, но в самый последний момент решил проверить и соорудил в клетке гнездо! Однажды, когда я вернулся с работы, птица, увидев меня, пришла в сильное волнение, она щебетала, трепетала крыльшками у гнезда и недвусмысленно приглашала меня к нему. Когда я заглянул в гнездо, то оказалось, что у нас с ней... появилось яйцо! Мы слишком близко похоронили своих членов семьи, ибо город вскоре разросся и поглотил лесополосу и «Новодевичье кладбище»!

Фоксики более устойчивы к чуме собачьих, чем измененные сеттеры, но тем не менее Радамесик тоже заболела, и у нее из носа тоже появились выделения синеватого цвета. В Институте сделали биограмму этих выделений, и оказалось, что патогенная флора у моих собак теперь абсолютно нечувствительна к примененным многократно антибиотикам. Смена антибиотиков тут же вылечила фокстерьершу.

Как верны поговорки, что «умная мысль приходит опосля» и что «и на старуху бывает проруха». В общем, я виноват трижды: что не провакцинировал щенка против чумки, что взял хроника на охоту в распутицу и что не сменил антибиотики. Даже Аза отводила мою руку со шприцем, давая понять... но я не понял! Каюсь и прошу прощения у безвременно почившей собачки.

**Дорогие читатели, друзья
журнала «Охота и охотничье хозяйство»
подписка на 2008 год продолжается!**

**Наш подписной индекс 70673 по каталогу Роспечати
— для Москвы — страница 426; для России — страница 355**

Дульная часть одного из вариантов трехствольного ружья

Тройники на охоте

А. БЛЮМ

Казенная часть стволов и колодка трехствольного ружья фирмы Krieghoff

Тройник! Впервые это слово, обозначающее тип охотничьего ружья, я услышал от отца, а та уважительная интонация, с которой он произносил его, в моем понимании значила только одно — это ружье необыкновенное.

Все охотники по своей натуре люди увлекающиеся. Начиная, к примеру, свою охотничью биографию с охоты на уток или на зайцев, почти каждый из них мечтает о более крупной дичи. Но, задумав разнообразить свои охоты, непременно сталкивается с необходимостью расширять и свой охотничий арсенал. Большое количество природных зон на земле обеспечивает местами обитания огромное число животных, отличающихся друг от друга размерами, образом жизни и прочими особенностями, среди которых многие служат объектами охоты. Для того чтобы охота была успешной, необходимо иметь то охотничье оружие, которое сделает успех не просто приятной случайностью, а реальной закономерностью. Именно разнообразие охот, которое существует даже в небольших регионах, породило у охотников мысль о необходимости иметь ружье с более широкими возможностями применения, чем у предназначенных для охоты на конкретные группы животных.

Мысль объединить гладкие стволы, используемые для стрельбы дробью и специальными пулями на небольшие расстояния, с дальнобойным нарезным, первому пришла в конце семидесятых годов девятнадцатого века немецкому оружейнику Петеру Оберхаммеру. И она оказалась настолько удачной, что и по сей день многие оружейные фирмы, особенно европейские, продолжают выпускать и совершенствовать трехствольные системы на радость истинным ценителям охотничьего оружия.

Первые трехстволки стали выпускать с двумя верхними гладкими стволами 12 и 16 калибра и нижним нарезным тоже крупного калибра (не менее 9 мм). Большие калибры нарезных стволов использовались вынужденно, поскольку еще не наступило время бездымных порохов и для лучшей убийности недостаток скорости пули патрона с дымным порохом компенсировали ее большей массой. Но прошло совсем не много времени — появились бездымные пороха и ряд патронов, используемых в комбинированном оружии, и, в том числе, в тройниках, расширился многократно. В настоящее время в трехстволках у гладких стволов продолжают доминировать 12 и 16 калибры, но все чаще начинает появляться и 20 калибр под патрон Магнум 20/76. Нарезные стволы изготавливают разных калибров от 5,6 до 9,3 мм. Перечислим те патроны, которые чаще всего используются в тройниках: .22 Hornet, .222 Rem., .222 Rem. Mag., 5,6x50R, 5,6x52R, .243 Win.,

.25-06, 6x62R Freres, 6,5x57R, 6,5x65R, .270Win., 7x57R, 7x65R. .308 Win., .30-06, 30R Blaser, 8x57IRS, 8x75RS, 9,3x74R.

Основное производство тройников сосредоточено в Европе. В свое время в США некоторые фирмы пробовали начинать изготовление трехстволок, но видимо из-за своего американского менталитета охотники этой страны в своей массе не приняли их. Назовем несколько наиболее известных европейских фирм, у которых трехстволки уже многие годы прочно занимают свое место в номенклатуре изготавливаемого охотничьего оружия. Это SAUER, BLASER, ANTONIOZOLI, FRANKONIA, KRIEGHOFF.

Выбор трехстволки в большей степени определяется патроном нарезного ствола, потому что гладкие стволы вышеперечисленных калибров практически полностью удовлетворяют требованиям охотника к дробовому выстрелу. На пулевой стрельбе из этих стволов мы остановимся ниже. Почти у каждого охотника есть охоты наиболее любимые, к которым он особо готовится и по возможности старается подобрать соответствующее оружие. Любителям охоты на некрупных животных, таких как лисица, корсак, сурки, а из птиц — тетерев, глухарь, гусь, и на средних — косуля, сайгак, волк хорошо подойдут патроны кал. 5,6 мм: .222 Rem., .222 Rem. Mag., 5,6x50R, 5,6x52R. Патроны шестимиллиметровой группы .243Win., .25-06, 6,5x57R, 6,5x62R Freres и 6,5x65R тоже можно использовать для отстрела вышеперечисленных животных, только для птиц, сурков и лисич желательнее выбирать пули с наименьшей способностью к деформации. Но эти же патроны хороши для стрельбы по европейскому благородному и северному оленям, лани, серне, муфлону, некрупным кабанам и другим животным, близким им по размерам. Патронами калибра 7 мм можно отстреливать тех же животных, кроме, пожалуй, птиц, сурков и корсака, так как их мощность далеко превосходит необходимую для надежного поражения этих видов.

Калибр 7,62 мм (в американском обозначении .30 или .300), а также 8 мм прекрасно зарекомендовали себя при охотах на все виды оленей, исключая только разве что особо крупных лосей, и кабанов. Патрон 9,3x74R очень хорош для охоты на марала, лося и медведя. Как видим, тройник можно себе выбрать для охоты на любых животных нашей охотничьей фауны.

В некоторых публикациях, посвященных охотничьему оружию, иногда попадаются утверждения, что по кучности боя тройники заметно уступают одноствольному оружию, т.е. карабинам. Не могу с этим согласиться. Качество нарезных стволов, которые ставят на тройники, ничем не уступает карабинным. Известно, что кучность боя во многом зависит от массивности ствола. Достаточно посмотреть на стволы спортивных винтовок или класса «Varmint», чтобы убедиться в этом.

Толщина стенок тройникового ствола не может быть большой, иначе увеличится общий вес и нарушится баланс оружия, они даже тоньше карабинных, но общая массивность ствольной группы (все-таки три ствола) заметно уменьшает отрицательное влияние колебаний ствола при выстреле на кучность боя. Мне пришлось много охотиться с немецким тройником Sauer мод 25a с нижним стволом под патрон 8x57IR, так вот, отечественными патронами (они выпускались по спецзаказам маленькими партиями) он дал стабильную кучность 5 см на 100 метров, а это хороший показатель.

Чем же хорош тройник на охоте? Прежде всего это три выстрела подряд без перезаряжания и передергивания затвора возможно с патронами различной снарядки и с последовательностью выстрелов по усмотрению охотника. Охотники, вдумайтесь в эту фразу и оцените такие качества. Давайте рассмотрим ряд конкретных ситуаций, которые могут возникнуть на охоте. Начнем с самой массовой — облавной или загонной охоты. Как известно, чаще всего ее практикуют при охоте на лося, кабана, оленей, косулю, волка и теперь очень редко — на медведя. При нормальной организации этих охот стрелковые номера стоят на расстоянии примерно 100—120 метров один от другого и это обусловлено не только установившейся в прошлые времена практикой применения только гладкоствольного оружия, а еще и тем, что при значительных промежутках между стрелками увидеть зверя, который пересекает стрелковую линию далеко от охотника, можно только на очень короткое время и сделать прицельный выстрел часто бывает невозможно. И нельзя заранее подготовиться к выстрелу, потому что на большом расстоянии трудно услышать подход зверя и тем более разглядеть его, скрытого деревьями и кустарником. Однако участки леса, где проводится загон, бывают очень разнообразными по составу насаждений и нередко в чистом сосновом бору или на вырубке можно стрелять и на большой дистанции, в этом случае нарезной ствол соответствующего калибра необходим, независимо тройник в руках охотника или карабин. Но не секрет, что очень часто животные, чувствуя опасность в той стороне, куда их гонят, стараются продвигаться по заросшим участкам с возможно большей скоростью, появляясь на относительно открытых местах на короткое время, недостаточное для прицельного выстрела. Если у охотника карабин, то известно, что точный выстрел из него возможен только при условии совмещения трех точек (при использовании открытого прицела) — целика, мушки и точки на туше зверя, а на это требуется время. Если же времени не хватает, то рассчитывать на результативный выстрел не приходится. Другое дело, когда у охотника в руках тройник. На коротке сделать прицельный

выстрел из гладкого ствола по прицельной планке и мушке гораздо проще, не говоря уж о том, что по некоторым животным (косуля, кабан, волк) можно использовать и картечь. В то же время остается возможность и для дальнего точного выстрела.

В свое время мне пришлось много охотиться на косуль в Забайкалье и с подхода, и загонем. И там тройник был незаменим. Косуля — животное лесов изреженных, но с хорошим подлеском, в котором она и кормится, и отдыхает. Обходя рано утром или к вечеру участки леса, где держатся косули, вполне возможно заметить их на кормежке и тогда понадобится дальний выстрел. Но при ветреной шумной погоде велик шанс поднять зверя с лежки, причем, иногда очень близко. Косуля соскакивает стремительно и, как правило, через 15—20 метров ее прыжки превращаются в «свечки», т.е. сокращаясь в длину увеличиваются в высоту, и линия движения приобретает форму синусоиды. Согласитесь, что попасть пулей в такую «мишень» задача совсем не простая, лучше воспользоваться картечным выстрелом и трехстволка предоставляет эту возможность.

Сейчас все большую популярность приобретает охота на берлоге. Вряд ли для этой охоты можно найти лучшее оружие, чем тройник с двумя верхними гладкими стволами 12 калибра и нижним под патрон 9,3x74R. Правда, некоторые фирмы предлагают иные комбинации стволов для зверевой охоты, как, например, Меркель: два верхних 9,3x74R и нижний 20/76. Слов нет, такое ружье очень хорошо для охоты на медведя и из засидки, и на берлоге, хотя теряет свою привлекательность для многих других охот. Самый знаменитый медвежатник России князь Ширинский-Шихматов, хотя сам охотился на берлоге с крупнокалиберным штуцером, считал, что для такой охоты лучше любого карабина будет двухстволка 12-го калибра с патронами, снаряженными тяжелыми пулями типа Бреннеке или Якана. На том маленьком расстоянии, на котором приходится стрелять медведя, вышедшего из берлоги, гораздо легче положить пулю по месту из привычного ружья с простыми прицельными приспособлениями, чем из карабина или штуцера, которыми и пользоваться-то приходится два-три раза в год. Для этой охоты тройник обладает всеми преимуществами двуствольного ружья и плюс еще нарезной ствол под мощный девятимиллиметровый патрон.

Кому приходилось охотиться на опасного зверя и участвовать в этом действии от начала и до конца знает, что необходимость добора подранка, к сожалению, не такая уж большая редкость. И если не быть статистом в этом процессе, то оружие у участника должно быть достаточно мощным, надежным и скорострельным. Только под скорострельностью нужно понимать не просто возможность быстро выпустить

патроны из магазина, а тоже быстро, но прицельно послать две-три пули по убойному месту возможно нападающего зверя. К примеру, на засидке, карауля того же медведя на овсяном поле или у привады, можно сидеть и с карабином или однозарядной винтовкой, но если придется идти по следу раненого медведя я предпочту иметь в руках тройник со стволами подходящих калибров или хотя бы двустволку. Кстати, надежность и скорострельность трехстволки при трех прицельных выстрелах выше, чем у любой автоматической системы.

В последнее время все больший интерес для охотников приобретают охотничьи и рыболовные туры в малонаселенные районы нашей страны. Учитывая многообразие охотничьих угодий и населяющей их фауны, тройник будет наиболее универсальным ружьем для такой поездки. В свое время мне пришлось довольно долго работать в Азербайджане с охотстроительной экспедицией. Замечательная республика и в природном, и в охотничьем отношении. Изобилие водоплавающих птиц на зимовках, зайцарусака и лисицы в степных угодьях, кабана и фазана в тугайных лесах и тростниковых займищах, кабан, косуля, медведь и олень в горных лесах, тур, серна и безоаровый козел в горах — вот далеко не полный перечень охотничьих животных этой теперь независимой страны. Со своим тройни-

ком, о котором упоминается выше, я успешно охотился в горах, в лесах, в степях и на водоемах, не обременяя себя заботой о приобретении другого оружия.

Совмещение в одном ружье дробовика и винтовки безусловно интересно для охотника и примиряют его с несколько измененным балансом, а иногда и чуть большим весом трехстволки. Кстати, к этому привыкаешь довольно быстро. При современных боеприпасах несколько укороченные гладкие стволы дают практически столь же хороший бой, как и из классической двустволки, а качество выстрела из нарезного ствола ничем не уступает таковому же из карабина. Учитывая же то, что современные тройники оснащаются шнеллерным устройством для особо точной стрельбы и посадочными местами для быстросъемной оптики они по точности боя практически могут конкурировать с любым охотничьим карабином или винтовкой.

Поистине интересы охотников безграничны. Я знаю среди них таких, которые мечтают попробовать себя на охотничьем промысле, т.е. пожить в охотничьей избушке, добыть соболя или куницу, самостоятельно попробовать обеспечить себя мясом, отстреляв лося или оленя. Такая охота сложна тем, что ее успех зависит только от самого охотника, там никто не подведет и не покажет пальцем на зверя, в

которого надо стрелять. Его надо искать самому и быть готовым в любой момент использовать предоставившийся шанс. Это труд, но и огромное удовлетворение от возможности почувствовать себя настоящим охотником. Какое оружие можно рекомендовать для такого таежника-любителя? Как наверное уже догадались читатели, конечно, тройник! Это должно быть ружье с тремя стволами разных калибров. Гладкий ствол 20-го или 16-го, нижний — 7—9 мм и боковой кал 5,6 мм под патрон бокового огня (кольцевого воспламенения). В тайге, особенно светлохвойной, большинство дичи добывают малокалиберным патроном. Это и соболя (или куница), и белка, и птицы — глухарь или рябчик. Дробовой ствол используют для стрельбы в лет и по бегущим животным. Крупнокалиберный нарезной всегда наготове для выстрела по крупному зверю без траты времени на перезарядку и того шума, который сопровождает перезарядку магазинных систем. Скажу сразу, на Западе есть такие конструкции. Например, фирма Blaser предлагает модель 880, у которой, правда, ствол калибра 5,6 мм под патрон 22 Hornet, но это легко можно изменить при заказе.

Кроме прекрасных прикладных качеств трехстволка обладает замечательным видом настоящего охотничьего ружья, в котором воплощен высокий художественный и технический вкус.

Подготовка охотоведов в Кирове по заочной форме обучения

Биологический факультет Вятской государственной сельскохозяйственной академии более 40 лет готовит специалистов высшей квалификации по специальности «БИОЛОГИЯ» специализации «ОХОТОВЕДЕНИЕ» очной и заочной формам обучения. С 20 декабря 2007 г. по 20 января 2008 г. академия принимает документы за заочную форму обучения на места, финансируемые за счет федерального бюджета и места с оплатой за обучение на договорной основе. Для имеющих профильное среднее специальное образование зачисление по собеседованию. Срок обучения - 5,5 лет.

К заявлению прилагаются документы:

документ государственного образца о среднем (полном) общем или среднем специальном образовании; 6 фотографий 3x4; паспорт (предъявляется лично); копию трудовой книжки (для работающих).

Адрес: 610017, г. Киров, Октябрьский проспект, 133, ВГСХА, биологический факультет.

Тел. 8-(8-332) 57-43-21, 57-43-10

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Охота на козерога

Л. МАМОНОВ. Фото автора

Охота на козерога

Охота на козерога по затратам энергии относится к одному из наиболее тяжелых видов охот. Проводится она два раза в год — в апреле и октябре. Существует два способа этой охоты: с подхода и из-под собак.

Охота с подхода проводится в любое светлое время суток. Охотник с помощью бинокля обследует места

возможного обитания козерога. При этом необходимо учитывать, что самцы живут отдельно от самок с приплодом, а в стадо они приходят только во время гона. Обнаружив зверей, охотник пытается обойти стадо незамеченным и оказаться выше него.

В каждом стаде есть свой сторожевой козерог, или как его здесь

называют, «телескоп». Само стадо пасется, кормится или лежит, а «телескоп» занимается только тем, что наблюдает за окружающей местностью, охраняя стадо. При обнаружении опасности он издает резкий свист, после чего козероги тут же срываются и уходят скалистыми местами вверх. Итак, обойдя стадо

и оказавшись выше, охотник, используя характер местности, подходит на верный выстрел. Необходимо учитывать, что козерог очень крепок на рану, поэтому нужно использовать мощное нарезное оружие и стрелять только наверняка. При неудачном выстреле подранок уходит в труднодоступные места. Охота с

собаками разрешена только в осеннее время, чтобы не нанести вред молодняку. Используют в основном лаек. Охотник поднимается в горы вместе с собаками, которые, обнаружив зверя, начинают преследовать его. Козероги ищут спасения на отстоях, где их и держат собаки до подхода охотника.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ-ОХОТНИКИ

Юрий Маркович Нагибин (1920-1994)

М. БУЛГАКОВ

Издатель нагибинского «Дневника» Юрий Кувалдин говорил так: «Я бы назвал Нагибина заблудившимся человеком: он, как в дремучем лесу, заблудился в своём родстве, в своих жёнах, пристрастиях, взлётах и падениях, друзьях и знакомых, даже в своих бесчисленных собаках! Никак не мог до конца жизни разобраться в своих отцах».

Вся биография писателя от рождения до последних дней стала ярким отражением советской эпохи. Клубок с тайными нитями своего появления на свет Нагибин всё же распутал, — его родным отцом был студент Кирилл Нагибин, участник Антоновского контрреволюционного мятежа. Зная о грядущем расстреле, он сам предложил будущей матери Юрия Нагибина выйти замуж за своего знакомого Марка Левенталья, которого Юрий и считал своим отцом. В 1927 году Левенталь угодил в тюрьму и впоследствии умер на поселении. Мать Нагибина Ксения Алексеевна сошлась с писателем Я.С. Рыкачёвым, но и его в 1937 году арестовали, так что Юрий вместе с матерью носил передачи сразу в две тюрьмы.

В тяжёлое время Ксения Алексеевна, забыв о своих дворянских корнях, научилась печатать двумя пальцами, и пишущая машинка помогла ей с сыном выжить. Много лет спустя Нагибин об этой поре своей жизни напишет не до конца правдивые, но литературно блистательные автобиографические циклы «Чистые пруды» и «Книга детства» и получит известность как мастер короткого рассказа.

После окончания школы Юрий поступил в 1-ый медицинский институт, но вскоре перешёл на сценарное отделение ВГИКа и уже в 1940 году в журнале «Огонёк» опубликовал свой первый рассказ «Двойная игра».

В начале войны с фашистской Германией Юрия как сына «врага народа» на фронт не взяли, но Нагибин владел немецким языком и его приняли в отдел агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ. После разгрома немцев под Москвой Юрия Нагибина направили в Главное Политуправление, а оттуда — в отдел контрпропаганды Волховского фронта. Две контузии стали причиной клаустрофобии — редкого заболевания, когда человек испытывает боязнь замкнутого пространства. Возможно, именно из-за этого недуга Нагибин всегда тяготел к загородной привольной жизни и пристрастился к охоте и рыбалке.

Юрий Маркович Нагибин

Послевоенная работа в профсоюзной газете «Труд» и женитьба никак не способствовали ни развитию его литературного таланта, ни приобщению к природе. Однако семейные обстоятельства всегда играли большую роль в биографии Юрия Нагибина. Среди многочисленных жён любвеобильного писателя выделяются первая — Валентина Лихачёва, дочь директора автогиганта «ЗИЛ», и поэтесса Белла Ахмадулина. Брак с Лихачёвой стал пропуском в общество высшей советской партхозноменклатуры, а из-за поэтессы он дрался в ресторане Центрального дома литераторов. С последней женой Аллой писатель прожил почти тридцать лет вплоть до своей кончины, но именно она почему-то назвала его «плейбоем нашего времени» и простодушно призналась: «Он был грандиозным писателем. Я это поняла через 10 лет после его смерти...» Ни от одной из шести жён у Нагибина не было детей. Странными выглядят и его слова, якобы произнесённые после событий 1968 года в Чехословакии: «В этой стране я не хочу иметь детей». Разумеется, в своих произведениях той поры Нагибин о волнениях в Венгрии, Чехословакии и нашем Новочеркасске не поминал. Он мастерски писал о своём детстве в московском дворе, о хороших и пло-

хих людях, о природе, и литературные критики его пейзажные зарисовки («Зимний дуб», «Зимнее эхо») по тонкости и лиризму сравнивали с тургеневскими стихотворениями в прозе. Тогда же в творчестве Юрия Нагибина появилась и охотничья тема.

Разглядеть будущего страстного охотника в детских годах писателя трудно. Он и сам признавался, что мальчишкой не помышлял об охоте: «Лес играл в моей жизни большую роль, но в детстве лес — это грибы, ягоды — никак не дичь». А однажды некий «великовозрастный оболтус» взялся обучать его, семилетнего, стрельбе одновременно из двух стволов тяжёлого охотничьего ружья. Страшная отдача после первого же выстрела опрокинула ученика на землю и надолго поселила в нём страх перед огнестрельным оружием, распространяющийся на охоту и даже на воспевавшую её литературу. Лишь познав настоящие охотничьи радости, он заново перечитал русских классиков и «сделал важное открытие: охотники Тургенев и Некрасов, Аксаков и Фет, Толстой и Пришвин были удивительными природолюбцами». Но сначала к Нагибину вернулось детское увлечение рыбалкой, он зачастил на Плещеево озеро поудить плотву и даже написал несколько рассказов о рыбной

ловле, хотя саму рыбалку, как и охоту, долго считал лишь приятным времяпровождением.

Неожиданный перелом в отношении к охоте наступил у Нагибина в 34 года, когда искусствовед-златоуст П.К. Суздальцев соблазнил его на поездку в мещёрскую сторону, о которой он знал только по книгам Константина Паустовского. Нагибин купил немецкую двустволку «Зауэр», но первые вылазки на глухаринные и тетеревиные тока закончились стрельбой... по воронам. Неудача постигла его и на охоте с подсадной уткой, — он был единственным из всей компании, кто вернулся из скрадка без добычи. Успехи товарищей вдруг породили в нём не только зависть, но и первобытное чувство добычлика. После охоты все собрались на пристани у воды и кто-то увидел высоко в небе крякового селезня. Нагибин вскинул ружьё и к удивлению опытных охотников сверзил птицу из поднебесья. «С этой минуты я стал охотником — всерьёз, — говорил позднее Нагибин, — ... вместо сентиментальной жалости во мне пробудилось какое-то сильное древнее чувство». Об этом случае он написал и опубликовал в «Огоньке» свой первый охотничий рассказ «Подсадная утка». Рассказ много раз переиздавался, но сам автор считал его наивным.

Новое увлечение не только захватило Юрия Нагибина, но сильно повлияло на его творчество. В конце 1950-х и в 60-е годы он написал более двадцати рассказов, так или иначе связанных с охотничьей темой. В них помимо охоты раскрыты быт охотничьих хозяйств, показаны характеры егерей и охотников. Был период, когда литературные критики стали считать Нагибина, по его собственным словам, «узкоохотничьим писателем», хотя сам он заявлял, что разрабатывает тему «человек в природе, человек и мир». Побывав на глухаринном току в есенинских местах, Юрий Маркович сказал, что теперь охота вошла в него «весенней поэзией», но к охоте на боровую дичь так и не прикипел. Не рвался и на вальдшнепиную тягу, возможно, из-за неумелой стрельбы по летящему вальдшнепу. Никогда не охотился на зверя, — убийство четвероногих вызывало в нём отвращение. Не услышал и не понял прелести охоты с голосистыми гончими в звонком осеннем лесу. Всем охотам он безоговорочно отдал предпочтение утиной, причём, на мещёрских разливах. Ему нравилось плавать на челноке в половодье, его до дрожи возбуждал свист и шелест пролётных уток и гусей, горячее жвяканье селезней. На весенней утиной охоте Нагибин мог пожертвовать даже собственной репутацией отзычливого и щедрого товарища. Писатель Георгий Семёнов рассказывал о своих поездках к Нагибину в Мещёру и иногда почти физически ощущал на себе плохо скрываемую ревность друга, словно Юрию Марковичу было жаль, что вся весенняя красота — разлив, голубое

небо, подснежники на лесной проталине — достанется не только ему, «хозяину» угодий. Словно он боялся, что гость из этой красоты «что-нибудь возьмёт и сунет себе в карман».

Крайность в выборе дичи как объекта охоты сыграла с Нагибиным злую шутку: он стал заложником не самых лучших образцов литературного жанра под названием «охотничий рассказ». Юрий Маркович верил, силой своего таланта одолеет не только «утиную» тему, но и все прочие, смежные с ней, хотя часто знал их лишь понаслышке. В то же время он утверждал, что «Во всех моих охотничьих рассказах «я» — это я, всё происходило на самом деле и со мной». И действительно, такие рассказы («Выстрел», «На озёрах»), «Когда утки в поре», «На тетеревов») ему часто удавались. А истории о зверовой охоте всё же грешат штампами и худолностью. У взрослого читателя вызовет усмешку и «Испытание», — рассказ о сборах мальчишки на утиную охоту, нашпигованный нравоучительной педагогикой и назидательностью.

Сам Юрий Нагибин своим «главным» охотничьим произведением считал рассказ «И вся последующая жизнь», герой которого узнаёт о своей близкой и неминуемой смерти. Этот рассказ, как и большинство других, написанных в этом жанре, был впервые опубликован не в охотничьей периодике, а в литературном журнале «Знамя». Все они составили большой цикл, вошедший в книгу «Погоня», но настоящее признание эта книга получила в кругу любителей охотничьей литературы, а «серьёзная» критика опять упрекала автора в «узкотемье».

С возрастом в мужчинах угасают многие страсти, в том числе и охотничья. Но мужчины, предающие забвению пыл прошлых лет, встречаются редко. Нагибин в один из пасмурных дней своей души не только повесил на гвоздь старый «Зауэр», но вычеркнул из собственной биографии все охотничьи годы. Тем большой интерес вызывает эволюция его взглядов: «На охоте надо прежде всего быть добычником (здесь я понимаю Хемингуэя) — ... при неудачной охоте весь окружающий мир вытесняется чувством досады»; «Охота — источник творчества для меня в жизни последних лет»; «Я писал об охоте немало и буду писать дальше. Эта тема неисчерпаема... Живописание охот перешло в моём творчестве в разговор о том, что губит природу...»; «Бывают и сейчас в моей жизни моменты, когда я сталкиваюсь с браконьерством, худшим видом паразитизма, растлевающим душу».

Это — цитаты, слова. Правда же была в том, что со временем «источником творчества» для писателя стали не живые ощущения «добычлика» и суть охоты, а борьба с некими карикатурными браконьерами, подчас, не охотниками, а просто скверными людьми. Правда была в том, что Юрий Нагибин вычерпал тему для

себя до дна и за ненадобностью её оставил, как и саму охоту. Никакой писательской вины в этом нет, таков удел почти всех литераторов-охотников, хотя правду отречения от темы можно поискать ещё и в том, что после грандиозной астафьевской «Царь-рыбы» пронизательный Нагибин понял, что разговор о губителях природы и мироздания может иметь иные масштабы, нежели его «камерные» истории. Впрочем, лучшие из них сам писатель включил в сборник «Поездка в острова» (1987), последнюю книгу, составленную из рассказов об охоте и рыбалке.

Новым открытием для Юрия Нагибина явилось исследование истоков духовной мощи великих людей. В замечательной книге «Остров любви» он с блестящим рассказом о Чайковском, Бунине, протопопе Аввакуме... Чистые по стилистике, умные и психологически тонкие новеллы снискали множество новых почитателей нагибинского литературного дара. Заговорили о том, что он обладает «колоссальной энергетикой и тайной творчества». И писатель, подстёгивая собственную популярность, начал работать на даче в Красной Пахре не покладая рук. Ему вдруг почудилось, что ещё немного и его при жизни поставят в один ряд с недосыгаемыми классиками, — надо лишь написать ещё пару-тройку достойных книг... Ни количество и тиражи изданных томов, ни баснословные гонорары не приносили ощущения полного триумфа, — главные литературные лавры неизменно доставались «деревенщикам» В.Астафьеву и В.Белову, Ф.Абрамову и Е.Носову или «баталистам-эпохальщикам» из литноменклатуры А.Чаковского, Г.Маркову, И.Стаднюку...

Помимо собственно литературного творчества, Юрий Нагибин часто обращался к кинематографу. По его сценариям поставлены фильмы «Бабые царство», «Красная палатка», «Дерсу Узала», «Ночной гость». Наибольший успех выпал на долю картины «Председатель» (1963) с Михаилом Ульяновым в главной роли. Поначалу из-за нападок Союза писателей её решили запретить, но после показа «Председатель» завоевал небывалую популярность. Ульянова удостоили Ленинской премии, а Нагибин получил инфаркт (во второй раз сердце даст сбой в 1981 году, но Нагибин опять выдюжит). Следующая попытка взять кинематографическую высоту — сценарий к фильму «Директор», однако на съёмках трагически погиб знаменитый актёр Евгений Урбанский. Работу возобновили с новым актёром в главной роли — Николаем Губенко, но картина не удалась.

По охотничьему рассказу Нагибина «Олежка женился» была снята короткометражка «Молодожёны», и писатель задумал «сделать большой фильм об охоте», при условии, что режиссёр должен был «любить эту тему». В конце концов на Одесской киностудии

сняли фильм по рассказу «Погоня» с Николаем Ерёменко-старшим в главной роли егеря. Одесские киношники-студийцы издавна слыли могильщиками многих честолюбивых замыслов, не стала исключением и «Погоня», — бурных оваций и премий фильм не снискал.

В брежневскую эпоху Юрий Нагибин считался одним из самых преуспевающих писателей. В эти годы он писал взахлёб и часто работал ради вала. Книги выходили в СССР и «странах народной демократии» десятками, а заработки писателя исчислялись уже не десятками, а сотнями тысяч рублей.

Редкая работоспособность позволяла ему жить настоящим эпикурейцем, свой дом в подмосковной Пахре Юрий Маркович обустроил с барским размахом, не забыв нанять садовника. Со временем усадьба хлебосольного хозяина стала похожа на уютную гостиницу, в которой почти постоянно кто-то гостил или жил. Нагибин обожал вкусную еду, хорошие напитки и красивую посуду. А ещё — разговоры с гостями об истории, искусстве и литературе, например, о Джойсе и Прусте. Очень ревниво относился к отзывам о собственных книгах. Ему страстно хотелось быть на виду, быть знаменитым не только в литературе и кинематографе, но и в искусстве и критике.

При внешней расслабленности Юрий Маркович всегда был очень собранным человеком. Поднимался в семь утра, делал зарядку и в восемь садился завтракать. Затем — мансарда на втором этаже, рабочий кабинет с огромным письменным столом и книжными полками, любимый пёс у ног. Странно, что Нагибин-охотник обожал и всегда держал в доме собак, но не охотничьих, а исключительно добродушных эрдельтерьеров.

Роскошная жизнь требовала боль-

ших расходов, и серьёзного капитала Нагибин так и не сколотил, — коммерческой жилки в нём не было, в зарубежных поездках он даже на последние деньги ходил обедать в рестораны с дорогой кухней. Любил Юрий Маркович щегольнуть и среди собратьев-охотников. В те годы, когда автомобиль «Победа» считался привилегией номенклатуры, генералов и народных артистов, Нагибин добирался на «Победе» до самых глухих уголков в мешёрских краях, чем наповал сражал местных немродов. Ему очень нравилась охотничья амуниция, и он с особым шиком носил даже болотные сапоги, небрежно расщеперив голенища-раструбы.

В перестроечные годы у Нагибина вышли собрания сочинений в 4-х и 11-ти томах, но демократические перемены в обществе и литературное признание уже не могли повлиять на раздразни в душе писателя. По большому счёту, он никогда не был ярким защитником демократических ценностей и его крайний индивидуализм никак не вписывался ни в коммунистическое, ни в либеральное мироустройство. Поначалу в нём вдруг заговорила русская кровь. Наверное, кто-то помнит телепередачи с его участием: седовласый господин с породистыми чертами лица, интеллигентно картавя, красиво рассказывал о дворянских усадьбах, о святых подвижниках и величавой архитектуре древних монастырей и соборов. Казалось, убогая советская действительность тех лет была не властна над его одухотворённой душой, и огромная червоточина атеизма в ней скоро зарубцует, но в 1987 году писатель едва ли не с проклятиями надолго уезжает в Италию, на родину любимых им Джотто, Микеланджело и Тинторетто. Читает лекции о русской литературе, пишет тек-

сты к альбомам великих художников, изредка наезжает в Москву, где уже входили в силу новые литературные кумиры. То ли ревность к их быстрому и незаслуженному успеху, то ли нерастраченная творческая энергия вкупе с врождённым честолюбием заставили его вновь заняться настоящей литературой.

После появления новых книг Нагибина рухнул миф о «барине-дачнике», авторе изящных и аполитичных новелл об исторических личностях, собственном детстве и о природе. «Любовь вождей», «Дафнис и Хлоя эпохи культуры личности, волюнтаризма и застоя», «Тьма в конце туннеля», «Золотая моя тётка» обескуражили даже самых преданных почитателей его таланта. И не столько фрейдистско-эротической подоплёкой, сколько запредельной порцией идеологической и политической «горчицы» вперемежку с непоследовательной доморощенной философией.

Юрий Маркович Нагибин стал одним из немногих писателей, кто ещё при жизни отважился на смелый, нарушающий литературные традиции поступок — публикацию собственного дневника безо всяких сокращений.

Символично, что гроб с его телом был выставлен для прощания не в Доме литераторов, а в Доме кино. Так получилось, что публика в своём большинстве провожала в последний путь не писателя Юрия Нагибина, а сценариста знаменитых фильмов «Председатель» и «Дерсу Узала».

Юрий Маркович Нагибин похоронен на Новодевичьем кладбище. Волею случая, из собратьев по перу неподалёку покоится лишь писатель Леонид Леонов, а большая часть захоронений на кладбищенской аллее принадлежит лицедеям — известным артистам театра и кино «эпохи культуры личности, волюнтаризма и застоя».

Юрий НАГИБИН

ПОГОНЯ

Анатолий Иванович приблизился к браконьеру.

— Стой! — кричит он, — стой, стрелять буду!

Браконьер прибавляет шаг.

Анатолий Иванович отлепляет от костюла содранные в кровь ладони,

сдергивает с плеча ружье и стреляет поверх головы браконьера.

Тот присел, вобрал голову в плечи, будто желая умалиться до незримости, воровато оглянулся на егеря и юркнул в кусты...

Это трусливо-гаденькое движение запечатлелось в сознании Анатолия Ивановича. Перед ним сразу возникло видение давних лет...

Ночь. Заснеженная поляна — сверкающая, наряжая, будто из детской книжки. Посреди поляны — огромное тело поверженного лося; дымит кровь, вытекающая из ран над лопаткой. К

лосю склонился человек, блестит в лунном свете лезвие ножа, приближающегося к лосиному горлу. Две длинные черные тени ложатся поперек поляны. Человек с ножом вскопчил, оглянулся, вобрал голову в плечи и как-то боком скользнул в заросли.

— Стой! — кричит Анатолий Иванович. — Стой, Сашка!..

Сопровождающий его человек (это охотовед Зенин) кинулся в кусты. Анатолий Иванович утопает в глубоком снегу и не может угнаться за Зениным. Гремит выстрел, раненый Зенин падает головой в сугроб. Анатолий Ива-

нович склоняется над ним.

— Я... ладно... — хрипит егерь, — его догоняй!..

Анатолий Иванович устремляется в чащу, оттуда слышится залихватский собачий лай и чей-то густой голос:

— Что, ушел — гнида?

И высокий жалкий крик Сашки.

Дождь еще не кончился, но уже ярко сияет солнце, зажигая радугу в каждой капле. И сквозь веселые струи дождя доносится разудалая песня:

Посреди той рощи

Береза стоит,

И на той березе

Женский треп висит!..

Поет Квочкин, настегивая каурого меринка по тугому сытому крупу. Поиски «горючего» далеко увели исполнительного егеря от охотничьей базы. Но он выполнил ответственное поручение Буренкова: в ногах у него стоит ящик с водочными бутылками. Они мелодично позванивают, отзываясь на неровности дороги, будто аккомпанируют певцу.

... А на той березе

Женский треп...

— Стой! — слышится с дороги, и кто-то хватается меринка под уздцы.

Двухместный шарабан Квочкина, слегка осев на чуткие рессоры, стал.

— Пошел с дороги, чумовой! — кричит Квочкин. Сашка подходит, недобро поблескивая светлыми глазами.

— Подвези маленько.

Его рука ненароком касается ручки охотничьего ножа, висящего на поясе.

— Тебе в какую сторону? — стараюсь не выдать страха, небрежно спрашивает Квочкин.

— В другую, — говорит Сашка. Ставит ногу на колесо и усаживается рядом с Квочкиным. — Поворачивай, живо!

— Тоже мне распорядитель... — бормочет Квочкин, но поворачивает шарабан в указанном направлении.

— А теперь можешь петь... Лемешев! — усмехнулся Сашка.

Но Квочкину стало не до песен...

Из ложбины показалась фигура Анатолия Ивановича. Егерь видит удаляющийся шарабан, утирает ладонями лицо, мокрое от дождя и пота, и, взмахнув костылями, с железным упорством движется вслед беглецу...

Шарабан не сумел уехать далеко. В километре от того места, где Сашка остановил Квочкина, дорогу преградила вспухшая от дождей, быстрая река. Старенький деревянный мост провалился, и по нему не то что проехать, а и пешему едва пройти.

— Твое счастье, падло! — говорит Сашка Квочкину. — А то бы ты меня до самой шоссейки вез, — и соскочил на землю.

— С тебя причитається! — вновь обретя нахальство, говорит Квочкин.

— Держи! — Сашка достает из ящика бутылку и протягивает Квочкину. — А это мне, на память о нашей встрече. — Он забирает одну поллитровку. — А теперь — пошел!..

Квочкин заворачивает коня назад.

— Не сюда! — очень серьезным голосом говорит Сашка, — поедешь в обезд.

— Еще чего! — начал Квочкин, но осекся. Сашка сорвал с плеча ружье, ему решительно не подходит, чтобы Квочкин встретился с Анатолием Ивановичем.

Довод возымел действие. Квочкин развернулся и пошел по целине, изо всех сил нахлестывая непривычного к такому обращению меринка.

Сашка входит на мост и сшибает прочь гнилые перила, затем сбрасывает в реку несколько досок настала. Теперь уже инвалиду нипочем не пройти по этому мосту.

Оказавшись на другом берегу, Сашка чуть постоял, прижав руку к груди и тяжело дыша, затем двинулся дальше.

Он идет медленно, усталость, страх и напряжение измотали его. Но сейчас он ничем не рискует, предоставляя себе маленькую передышку, — между ним и преследователем бурная река.

Он подымается на бугор и видит далеко впереди бульжное шоссе, одинокую фигуру женщины, а справа деревеньку.

К реке выходит Анатолий Иванович, видит разрушенный мост, пробует ступить на него, но тут же понимает, что это безнадежная затея.

Он спускается к реке, нащупывает костылем дно, костыль весь уходит в мутную воду и вязкое, илистое дно.

Анатолий Иванович задумчиво озирает берег и реку.

Квочкин перетаскивает ящики с водкой из шарабана в помещение охотбазы.

— А «столичной» не было? — освещается Буренков.

— Только «кубанская» и «московская», — отвечает Квочкин, — и за той в черты за яры мотался. Я «московскую» взял, ее приезжие больше уважают.

— Точно, — одобрил Буренков. — Раиска! — окликнул он молодую милую женщину в грязно-белом фартуке. — Ты продажную рыбу на погреб поставила?

— А нешто я ее видела? — независимо отзывается сознающая свою красоту и женскую силу Раиска.

— Как это «видела»? — вскипел Буренков.

— А вы сперва узнайте, потом кричите! Никто мне этой рыбы не давал, — повысила голос Раиска.

— Тс-с! — Буренков оглянулся. — Чего разоралась? Небось, не для себя,

для хозяйства стараюсь. Товарищ Квочкин, ты что же это — забыл сеть выбрать?

— Не могу же я разорваться? — огрызнулся Квочкин. — Уху варить — Квочкин, за «горючем» ездить — Квочкин, сеть выбирать — обратно Квочкин.

— Я знаю, товарищ Квочкин, что у вас большая нагрузка, — строго, но справедливо говорит Буренко, — после получите отгул. А сейчас давайте за сетью. Надо же людям послужить. Каждому, поди, лестно рыбки домой привезть.

— Вестимо! — осклабился Квочкин и своей расхлябанной походкой направился к причалу.

— Учти, Раиска, мы должны все для наших гостей делать, — наставительно сказал Буренков.

— Да будет вам!.. — смутилась Раиска, по-своему понявшая слова Буренкова.

Подкатив на моторке к заросли ушков, Квочкин принялся искать сеть. Он вытаскивает вешки, но они пусты. Он шарит по ушкам, но сети нет.

— Эй, молодой человек! — окликает его пожилой генерал. — Можно вас?

Квочкин неохотно заводит мотор и в несколько секунд подчаливает к шалашу генерала.

— Напрасно ищете, вашу сеть реку визировали.

— Чего? — не понял Квочкин.

— Сняли вашу сеть...

— Хромой, что-ль постарался? — хмуро спросил Квочкин.

— Постыдился бы, а еще егерь!.. Вам с браконьерами бороться, а вы сами устав нарушаете!

Квочкин искоса глядит на генерала и, чтобы прекратить неприятный разговор, начинает придуряться.

— Да какой я егерь, товарищ генерал!.. Это же по нужде. Я — потомственный крестьянин.

Он сделал ударение на последнем слог, получилось вроде: христианин. Генерал поглядел на его звероватое лицо и невольно усмехнулся.

— Ну и работали бы в колхозе.

— Нету у меня капитала в колхозе работать, — раздраженно сказал Квочкин.

— Причем тут капитал?

— А как же? У нас трудовень такой — концов не сведешь! Вот и скажи, как тут без капиталу прожить?

— Руководство у вас что-ль плохое?

— Это хорошо, что плохое. При хо- рошем не смеешься.

— Странно вы рассуждаете!..

— Ничего странного, — вскинулся Квочкин. — Сейчас за колхозы, знаешь, как взялись?.. Раньше у меня жена и мать в поле выкалывали, а я только на сенокос выходил: два стога колхозу, третий себе. Законно? А теперь хрена два посчитаются, что ты мужик, а не баба, все равно заставят работать.

— А вы думали на чужом горбу в рай въехать?

Квочкин не ответил. Зевнув, он достал нож из-за голенища и несколько

раз ткнул в воду.

— Что там такое? — спросил генерал.

— Да крыса... — пробормотал Квочкин, — ускользнула стерва.

И вдруг, закаменев лицом и сжав бледно-сухие губы, резко, от плеча, ударил шилом в воду, под край настила шалаша. Потом вытер шило пальцами и спрятал нож в карман.

На сапог генерала выползла водяная крыса с трехгранной ранкой, из которой текла алая кровь. Квочкин взял крысу за хвост — она была уже мертвой — и швырнул в воду.

— За что ты ее? — брезгливо поморщился генерал.

— А чего она егурзила? — лениво проговорил Квочкин.

— Знаешь что, друг, — после короткого молчания проговорил генерал, — мотай-ка ты отсюда да поскорее. Ну тебя к богу!..

Квочкин дернул шнур мотора и отвалил от шалаша.

— Пошлите сюда нашего егеря! — крикнул генерал.

— А где его взять? — мстительно отозвался Квочкин, — он у бабы своей на печи!..

— Обормот! — в сердцах произнес генерал, резюмируя свои впечатления о Квочкине. — Экой же обормот!..

Из-за стога появляется Сашка с примятой щекой и направляется к женщине, работающей на дороге. Была она высокая, плечистая, с широкими бедрами и крепкими ногами в коротких резиновых сапогах. При такой крупной стати маленькой казалась ее круглая красивая голова на высокой, стройной шее. Большой алый рот женщины улыбался, но недобрый был слишком пристальный взгляд темно-карих глаз. Если бы не сапоги и рукавицы, женщина была одета нарядно для своей грязной тяжелой работы: шелковая, в цветочках, кофта, сатиновая черная юбка, на смуглой шее ниточка коралловых бус. Она таскает из груди булыжники, укладывает их в щербину шоссе и забивает кувалдой.

— Придавил маленько, — говорит Сашка, — и сразу полегчало. Дайкось молочка!

Женщина достает кринку молока из ридничка обочь дороги и подает Сашке. Тот жадно пьет.

— Все культ проклятый виноват, — говорит он в кринку, на миг отняв ее ото рта. — Сколько золотых годочков потерял, а нынче — снова драпай, спасай молодую жизнь.

— Неужто они и впрямь тебя преследуют? — спросила женщина.

— А то как же! Разоблачение моих боится. Хотя мне новое дело пришить, чтоб, значит, концы в воду. Но ничего, мне за народ не впервой страдать, — отдает он кринку. — Спасибо тебе, сестренка, за все. На Талицу — вправо?

— Вправо.

— Пошел я. — Сашка забирает свое снаряжение: мешок, патронташ, ружье.

— Вот жизнь: беги, скрывайся... Где же правда человеческая? На, держи! — он протягивает ей десятку.

Женщина с гневом отталкивает его руку.

— Очумел!..

— Пацаненку гостинчик купишь на память об одном чудачке.

— У меня детей нет.

— Себе — бусики или там браслетку. По хорошему прошу, как друга!

— Катись колбасой!..

— Вольному воля, — пожал Сашка плечами. — Ну, бывай, сестренка! Не ослабляй борьбы с культом.

«Страдалец за народное дело» вскидывает прощально руку и бодрой поступью хорошо отдохнувшего человека уходит в сторону деревни.

Женщина провожает его взглядом, на лице ее — сочувствие, жалость и какая-то неуверенность, почти брезгливость. Затем она вновь принимает- ся мостить дорогу...

По реке на самодельном, кое-как связанном плоту, отталкиваясь шестом из ствола молодой березы, плывет Анатолий Иванович. Стремительное течение помогает егерю.

Егерь хватается за ветви ивы и притягивает плот к берегу. Подымается по крутому песчаному скосу туда, где обрывается булыжное шоссе. Видит женщину и направляется к ней.

Когда Анатолий Иванович подошел, женщина бросила кувалду, выпрямилась, рукой в брезентовой перчатке откинула с лица волосы и ожидающе уставилась на него.

— Здравствуйте, — сказал Анатолий Иванович.

Она кивнула, уперев руки в бедра, и продолжала молча и недобро разглядывать его.

— Никак в одиночку собрались шоссе- сейку достроить? — осторожно улыбнулся егерь.

— А хоть бы и так! — произнесла она с вызовом. — Тебе-то что за печаль?

— Боюсь, трудновато придется...

— Да мы не строим, «поддерживаем», — усмехнулась женщина. — Ладно, шагай дальше, здесь тебе не кино.

— Куда шагать-то, вот вопрос. Не проходил тут охотник... невысокий, с мешком? Дружок мой... в лесу разми- нулись.

— Крепко, видать, дружка своего любите, — недобро усмехнулась женщина. — Ишь, как запарились.

— Проходил или нет? — резко сказал Анатолий Иванович.

— Не видала, — лениво отозвалась женщина. — Может и проходил, мне не докладывался.

Анатолий Иванович вздохнул.

— С чужих слов говоришь...

— Ишь ты, угадчик нашелся! — усмехнулась она.

— Так не скажете, куда он пошел? — Анатолий Иванович отнял от костыля руку и утер лицо.

Женщина вздрогнула, ладонь была в крови, сочившейся из лопнувших мозолей. Сейчас она будто по-новому увидела человека: его измазанную

торфяной грязью рубашку, рассеченную, запекшуюся губу, порванную на колене брючину. Он так спокойно держался, что поначалу она не обратила внимания на эти следы тяжелой борьбы с дорогой.

— Поцелуй, может и скажу! — проговорила она с издевкой.

Анатолий Иванович молчал, а женщина смотрела на его крепкие широкие плечи, на хорошее сильное лицо с твердыми серыми глазами. И уже без улыбки, странно прищурившись и непонятно над кем издеваясь — над ним ли, над собой ли, — настойчиво повторила:

— Поцелуй, тогда скажу!

Анатолий Иванович вздохнул.

— Не могу... Женатый я...

— Вон ты какой! — проговорила она с удивлением. — А он тебе очень нужен?

— Я с самого Великого за ним гонюсь, это же гад.

— Он тебе что, плохое сделал?

— Кабы мне одному! Он хуже волка.

— Слушай, — она цепко ухватила за руку Анатолия Ивановича. — Неужто коли человек через Сталина пострадал, так он и гад и хуже волка?

— Причем тут Сталин? — опешил Анатолий Иванович. — Это он тебе сказал?.. Браконьер он и бандюга, хорошего человека чуть не на смерть убил. За то и схлопотал тюрьму.

— А не врешь?

— Он и сейчас своей повадки не бросил, — вздохнув, сказал Анатолий Иванович, — а тебе все наврал, чтоб разжалобить.

— Ладно, кто вас разберет, нынче все врать здоровы. Он налево пошел, к Сергееву посаду.

— Спасибо, коли правду сказала.

Анатолий Иванович положил изранные руки на перекладыны костылей и, кивнув женщине, двинулся по дороге.

Она долго смотрела ему вслед, кусывая свои полные губы. А когда он приблизился к развилке, вдруг закричала: «Стой!» и кинулась за ним...

Рисунки Б. Игнатьева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Кречмар А. **Звери и птицы северо-востока Азии.** Фотоальбом. Магадан: Издательский дом «Дикий север», 2006. — 3000 экз. 248 с.

Альбом высокохудожественных широкоформатных цветных фотографий зверей и птиц, сделанных в природе, известным орнитологом, мастером природных съемок А.В. Кречмаром, сотрудником Северо-Восточного научного центра Дальневосточного отделения Российской Академии Наук.

Купцов В. **Рассказы охотника в рисунках автора.** Дмитров: Издательский дом «Вести», 2006. — 5000 экз. 74 с.

Владимир Сергеевич Купцов — художник и писатель, автор серии увлекательных рассказов о природе нашей Родины. Эта книга — небольшая частичка впечатлений, полученных автором на охотничьих тропах вместе с друзьями, такими же увлеченными любителями охоты, и верными помощниками — собаками, ирландскими сеттерами.

Трубин А. **Егерские затеси.** Избранное. Симферополь: «Универсум», 2006. — 88 с.

Книга построена на основе сборника «Егерский дневник» (2001) и получила название от ремарки к стихам, опубликованным в нескольких последующих сборниках («Заколдованный круг», 2003; «Сказка жизни», 2003; «Облаков раздолье», 2004). Включены печатавшиеся там стихи и близкие им по теме, написанные в период с 1980-х по 2005 год. Это философская и любовная лирика — зарисовки природы, наблюдения и впечатления егера.

Линейцев С. **Очерки сибирской охоты.** Трилогия. Часть вторая. За полярным кругом. — Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2005. — 210 с.

Книга «Очерки сибирской охоты» — почти документальный рассказ о промысловом хозяйстве Сибири, о промысловой охоте и профессиональных охотниках. Уклад жизни охотников-промысловиков, их отношение к окружающей природе, их достоинства и недостатки, ушедшие в историю вместе с прошлым веком, показаны автором со знанием и любовью. Промысловая охота — это образ жизни, образ той прежней жизни, длившейся веками, которой уже никогда не будет.

Взвучил случай

Игорь АЛЁХИН

Было тепло, и об осени говорили только желтеющий тростник, редущая листва на небольшой сливе рядом с причалом, да ярко голубеющее небо над плавнями. Приближалась охота на диких свиней, и я совсем иначе, чем месяц назад, посматривал на отпечатки копыт на влажной черной земле звериных троп. Одна из них проходила в двух десятках шагов от домика в плавне по другую сторону канала. Я каждый день перебирался туда по лежавшим в мелкой воде серым от времени доскам и разглядывал следы. Иногда я видел свежие отпечатки и пару раз вечером и ночью слышал, как звери трещат тростником, проходя вдоль канала. На той стороне в камышах стояла небольшая раскидистая верба, умершая несколько лет назад из-за того, что свиньи своими щетинистыми боками стерли всю кору дерева на полметра от земли. Они выбили копытами у подножия ствола полукруглую яму и оголили древесные корни, которые выглядывали из земли, гладкие, отполированные, словно переплетенные змеи. Это была классическая, многолетняя кабанья «чухалка», возле которой, возможно, сложил голову не один зверь. Но она продолжала функционировать: свиньи в своей привязанности к определенным местам очень постоянны и близость человеческого жилища их нисколько не смущает, если, конечно, их там часто не тревожат.

Вечерами я ходил «на подслух» — сторожить свиней, — по хорошо мне известным местам, так как сезон уже начался, но всякий раз удача отворачивалась от меня. То ветер, тянувший с моей стороны в плавню, откуда шли кабаны на вечернюю кормежку, не дал мне никаких шансов дождаться их выхода на грядку, то зверь, пасшийся в траве на открытом месте, издали заметил меня в свете полной луны, когда я попытался к нему приблизиться. В другой раз в нескольких шагах от меня в тростниках, как говорят в «треще», прошла свинья с поросятами, видно было как рядом качаются стебли, но, во-первых, у меня принцип — не стрелять по невидимой цели, а вторых вообще не хотелось стрелять ни поросят, ни их мамашу.

И так каждый день, вернее — каждую ночь. Что-нибудь складывалось не так, и удача не шла в руки. Меня это сильно не огорчало — впереди еще было время.

Дни по-прежнему стояли теплые и ясные. Последний осенний месяц си-

ял золотом высшей пробы, и небольшое абрикосовое дерево, росшее на пушистом от севой полыни валу в километре от моего жилища, вдруг за одну ночь сбросило почти все листья. Теперь они лежали у его подножия широким желтым пятном, нежные и чистые. У самого основания ствола листья были помяты и втопты в землю кабаньими копытами. Вот оно что. Листья сбил не ветер — ночью было тихо, я это хорошо знал, — а чеваший о ствол абрикосы свои бока зверь. Судя по отпечаткам, он был не маленьким и был один, а значит из темноты плавней сюда приходил кабан-самец. Что стоило в эту ночь мне оказаться здесь тоже! Следы говорили о том, что зверь приходил с заветренной стороны, и, добыть его, устроив засаду под валом, шансов было немало. Но я знал минимум десяток подобных мест в окрестных плавнях, кабаны ночью могли с равным успехом выйти в любое из них, а оказаться одновременно хотя бы в двух, что сильно повысило бы вероятность встречи со зверем, я был не способен. Этой ночью я приходил к абрикосовому дереву, с полчаса стоял рядом с ним на валу, слушаю тишину, но, кроме криков птиц в небе, неясных шорохов в камышах, производимых шакалами, енотами, крысами, и всплесков рыб и ондатр или норок в канале, ничего не услышал. Возможно, кабан приходил под утро, и дожидаться его у меня все равно не хватило бы терпения. Долго сидеть на одном месте есть смысл лишь в случае большой уверенности в приходе зверя. В условиях же открытых травяных гряд, перемежающихся с участками камышовых зарослей, где дикие свиньи бродят широко, трудно предсказуемы от одной ночи к другой маршрутами, успех может принести способ подвижной охоты, при котором охотник беспешно и по возможности бесшумно обходит все известные ему места кормежки или переходы зверей, чутко вслушиваясь в ночную тишину. Вообще на подобной охоте слух играет решающую роль, действует принцип «кто кого первый услышит».

Я знал это и многое другое, что очень помогает добиться успеха на ночной охоте, но в этом сезоне удача упрямо не шла в руки, словно насмехаясь над всем моим опытом.

Возвращаясь с утреннего обхода кабаньих переходов, я заглянул в закраек камыша у канала, где была привязана моя лодка, и там на сырой земле тоже увидел отпечатки копыт. Они при-

надлежали свинье с поросятами. Мамашей было трое или четверо. Копыта продавили землю в полуметре от носа моей лодки. Вчера этих следов не было. Похоже, звери свыклись с моим нешумным пребыванием здесь и разгуливали рядом с домиком. В этом и была интрига моей охоты: я мог две, три недели ночи напролет пробродить вдали от лагеря и в конце концов застрелить кабана с крыльца. Или наоборот, сидеть целые ночи в лунной тени под стеной дома, а утром, уйдя на утиную охоту, повстречаться со зверем километрах в пяти от лагеря. Могло быть и так, что ни близко, ни далеко со свиньями я так и не встречу. Все могло быть. Предсказуемость удачи я оценивал как пятьдесят на пятьдесят. На самом деле, наверно, этот показатель был несколько выше, — учитывая, что я проводил в плавнях уже тридцать пятый сезон, — но об этом из суеверия я старался не думать.

Отведенные мне для охоты дни заканчивались, назавтра надо было уезжать. Я не добыл свеуго кабана и даже уже уверовал, что в эту осень мне это сделать не суждено. Цепь неудач, преследовавших меня на этой охоте, вызывала уже не злость, а удивление пополам со смехом. Как будто кто-то невидимый, но всевластный не давал мне все эти дни и ночи завершить свой отпуск метким выстрелом. Конечно, это был просто Случай, но мне, прожившему среди трав и воды, под звездами и солнцем ровно месяц и ставшему суеверным, казалось, что здесь замешан некто другой. Кто — я достаточно точно сказать не мог. Но верил, что он есть. Он был сильнее меня, и, наверно, я чем-то ему не угодил.

Утром предпоследнего дня я взял спиннинг, коробку с блеснами и, хрустя подошвами рыбацких сапог раскушечниковой насыпью причала, пошел к своей лодке. Надо было наловить щук, чтобы привезти домой свежей рыбы. Для кабаньей охоты оставались вечер и часть ночи, но я понимал, что очень надеяться на этот последний шанс не стоило. Однако и совсем сбрасывать его со счетов было глупо.

Я блеснил в лимане до обеда и, вернувшись, взялся за обработку улова сразу, потому что делать это вечером, если я хотел использовать оставшийся шанс в охоте на кабана, не будет времени.

Я занимался рыбой возле домика на противоположной от канала сторо-

не, перед входом и успел обработать треть улова, когда услышал из-за стены характерный треск тростниковых стеблей и какое-то сопение. Я очень хорошо знал эти звуки, чаще их можно было услышать ночью, и означали они только то, что в камышах за каналом идут дикие свиньи. В этом не было ничего необычного — там проходила их старая тропа, лишь не совсем обычным было время — около часу дня.

Я поднялся с корточек и как был, с ножом в руках в рыбьей крови, с налипшей чешуей, выглянул из-за стены дома. Было хорошо видно, как в зарослях за каналом в двух местах качаются и трещат тростниковые стебли, а черные сухие ветви вербочки, торчащие над рыжими метелками, раскачиваются при полном отсутствии ветра. Гуканья свиньи слышно не было, значит это не была поросычья семейка. Скорее всего в камышах, сразу за

каналом, рылись два подсвинка. А третий чесал свои бока о ствол стоявшего там дерева.

Я положил нож на траву рядом с дверью, чуть отвинтил крышку укрепленной на стене пятилитровой пластмассовой бутылки, служащей умывальником, наскоро вымыл руки и вытер их висевшим тут же выдавшим виды полотенцем. Потом прошел в дом, стараясь не стукнуть дверью, взял стоящее в углу ружье и зарядил его двумя пулевыми патронам.

Я все делал не в спешке, но и не медля, очень сосредоточенно и без лишних движений. Я не забыл сбросить босоножки и быстро натянуть стоявшие возле двери сапоги. Знал, что, хотя от домика до роящихся за каналом подсвинков было всего шагов двадцать пять, увидеть самих зверей для прицельного выстрела удастся вряд ли. Уж очень густой тростник окружал берега. Поэтому скорее всего мне придется лезть через канал на другую сторону. А подшуметь кабанчиков в этом случае — пара пустяков.

Я так же хорошо знал, что место, где я сейчас слышал зверей, не было для них жировочным — там просто проходила звериная тропа, связывающая места дневки кабанов с местами кормежки, так что рассчитывать даже на пятиминутную задержку не стоило. Но ситуацию меняла засохшая верба, простирающаяся из закапальных тростников свои мертвые ветви-сучья к небу. Несколько поколений диких свиней погубили дерево, стерев щетинистыми боками кору с ее ствола, а копытами обнажили корни у подножия, выбив в земле пологую яму. И вот сейчас один представитель этого всеядного племени раскачивал уже непрочно сидящий в земле согнутый невзгодами вербяный ствол, с наслаждением почесывая свои бока о его отполированную поверхность. Мне казалось, что пока он будет это делать, шансы у меня есть. Двое других подсвинков трещали тростником неподалеку, словно ожидая, когда их собрат закончит почесушки, чтобы продолжить путь по краю уходящей за горизонт плавни.

Я как мог бесшумно подошел к самому каналу и всмотрелся в стенку камыша на противоположном берегу. Конечно, я ничего не увидел, хотя всего лишь в десятке шагов за ней покачивались при полном безветрии торчащие из зарослей черные ветки небольшой вербочки. Ничего не оставалось, как попытаться перебраться через канал.

Это можно было сделать по доскам, лежавшим в тупике слева, где канал давно заилился, вода была затянута ряской и тростники с обоих берегов смыкались меж собой.

Я осторожно, стараясь не шуршать ракушечником, перебежал влево и ступил на черные скользкие доски, которые под моей тяжестью просели, выдавив вдоль краев черную жижу. В правой руке я держал ружье, а левой хватался за стебли тростника, стараясь не терять равновесия. При волнении, которое я испытывал, это было не так-то просто. В голове у меня проносились мысли о том, что вот сейчас, если мне повезет, можно так просто, так легко и удачно закончить нынешнюю кабанью охоту, потому что ближе от табора, чем в этот раз, я никогда кабана не убивал. Я суеверно гнал эти мысли прочь, но они возвращались, а я между тем сделал уже два шага по лежащей в болотной жиже доске. Она была длиной метра полтора, а дальше находилась еще одна, покороче, с зауженными обломанными концами, и я боялся ее больше всего. После нее лежали две параллельные доски, и за ними метровой глубины трясина заканчивалась, но переход по этой средней, коварно качающейся короткой доске был непросто. На самом деле он был очень прост, но сделать это без шума, плеска и чавканья было нелегко. Делов-то — две секунды, но они решали многое, может быть, — все. Стоит кабанчика лишь краем уха услышать подозрительный звук — пиши пропало. Они тут же, предупредив друг друга коротким рыком, с треском ломанутся через заросли, и на этом мои надежды на удачный выстрел можно будет оставить до вечера. А возможно, и скорее всего — на следующий сезон.

Я дошел до конца первой доски и, мгновение помедлив, рассчитав движение, шагнул на вторую. Это был небольшой шажок, не более полуметра длиной, но когда я уже опускал ногу на короткую доску, первая доска вместе с другой моей ногой чуть сдвинулась, этого хватило, чтобы я потерял равновесие и ступил на вторую доску не плавно и бесшумно, как хотелось, а тяжело и неловко. Доска от такого грубого нажима ударила по мелкой лужице воды, в которой плавала, плеснула, да еще и противно чавкнула грязью.

Это была катастрофа, хотя и ожидаемая. Слишком много я ходил этими болотами, чтобы сильно удивиться или недоумевать теперь по такому поводу.

Свиньи мгновенно замерли, словно по команде. Замер и я, стоя ногами на разных досках и ухватившись рукой за стебли, лишь сокрушенно покачивая головой. Звери сразу распознали «чужой» звук. Теперь они какое-то время будут совершенно неподвижно стоять в камыше и слушать. И если даже ничего больше подозрительного не услышат — про этот звук они не забудут. И наверняка будут тихо и неспешно отдаляться от показавшегося им подозрительным места. Или могут попытаться зайти из-под ветра, чтобы определиться точнее. Моя промашка почти наверняка означала бы неудачу. Вокруг наступила абсолютная тишина, я знал, что она ни к чему хорошему для меня не приведет.

Но я ошибся. Меня выручил случай.

После того, как и звери и я в десятке шагов друг от друга замерли (они настороженно, а я, в отчаянном столбняке проклиная и доски эти, и свою неуклюжесть), прошло несколько секунд, и тут совсем рядом со мной, в зарослях, испуганно крикнула камышница. Болотная курочка, мелькнув белыми перьями хвоста, шумно перепорхнула в двух шагах и громко плеснула водой.

Боже мой, это оказалось спасением для меня! Кабанчики неподалеку вдруг разом стали деловито шуршать камышом, и я понял, что они не отступают, а ищут себе пищу. Звери в мгновение ока определили шум, произведенный камышницей, и успокоились. Я улынулся с вытаращенными глазами и медленно перенес вторую ногу на короткую доску. И нагло подумал, что, оступись я еще раз, подсвинки, возможно, опять приняли бы мое бултыхание за возню курочек. Камышница дала мне шанс...

Но вот зыбкие доски, чавкающие и булькающие трясинной, позади — я ступил на мягкую, влажную, но предсказуемую поверхность плавневой земли. Здесь не было воды, и подшуметь свиней можно было, только грубо и неосторожно сломив тростниковый стебель. Но тростник здесь прорезали многочисленные отростки кабаньей тропы, передвигаться по которым можно было более или менее бесшумно.

Вариантов было два: либо попытаться сблизиться с роющими левее меня двумя подсвинками, либо направиться направо, к деревцу, верхние концы веток которого (мне было видно по верх зарослей) продолжали раскачиваться. Я выбрал вербу, так как кабанчики рылись в густой «треще», и увидеть их там удастся с расстояния в несколько шагов, и неизвестно еще, кто кого увидит первым, а камыш и трава возле дерева, я знал, были выбиты зверьями и там образовалась небольшая полянка.

Я медленно стал протискиваться, стараясь не сильно шуршать стеблями, по узкому тростниковому коридору

тропы в направлении дерева, напряженно вглядываясь в просветы, и успел сделать всего несколько шагов, как вдруг понял, что уже вижу впереди искривленный ствол вербочки. В тот же миг темное неясное пятно возле него начало ритмично раскачиваться, послышался характерный звук трущейся о дерево кабаньей шкуры. Медлить дальше было нельзя. В десяти шагах от меня чесал свой бок о ствол дерева подсвинок.

Я, не ощущая ни волнения, ни радости, ни страха за возможный промах — сейчас было просто не до этого, — приподнялся сколько можно на носках, чуть подал тело вперед, увидел сквозь переплетение стеблей темно-бурую тушу с торчащим вбок лохматым ухом, поднял ружье, навел мушку в середину корпуса и нажал спуск.

Одновременно с выстрелом, ахнувшим неожданно и страшно в замкнутом пространстве камышовых зарослей, раздался короткий полувизг-полурыв, и там, у вербы, заворчалось на месте буро-коричневое.

Я выскочил на полянку перед деревом, ощутив, как тростниковый стебель ожег запылеть, и сразу увидел, что второго выстрела не потребуются. Подсвинок килограммов на восемьдесят лежал на боку, изображая бег на месте, но движения были уже конвульсивные, а глаза смотрели в никуда. Экспансивная пуля пробилась по диагонали, попав в левый бок позади ребер, и, очевидно, застреляла где-то в районе шеи. Кабанчик умер легко, прямо возле стволика вербы с содранной корой.

Надо было спустить зверю кровь, но у меня не было с собой ножа — он остался на траве возле разделанной рыбы. Сходить за ним и вернуться за рядом у меня две минуты — все было рядом сегодня. Когда я проходил по доскам, быстро и ловко ступая, таиться теперь не было никакой надобности, то слышал, что два кабанчика по-прежнему шуршат камышом неподалеку. Кажется, выстрел и гибель собрата их нисколько не взволновали. Все-таки они были животными.

Перевернув подсвинка на спину, я надрезал брюшину, чтобы не скапливались газы, потом вернулся к домику и закончил обрабатывать рыбу. В этот день мне хотелось быть спокойным и последовательным. Ведь в конце концов все сложилось удачно в этот сезон. Хотя для этого пришлось ждать последнего дня отпуска. Завтрашний день, который намечался как день убоятия, я в расчет не брал. И вечером, конечно, никуда не пошел, а долго, до полуночи, сидел под стеной домика, наблюдая, как из-за горизонта на темный небосвод с россыпью звезд медленно, незаметно для глаза, выползает блистающий Орион, перетянутый поясом с согнутым охотничьим луком.

Рисунок Б. Игнатьева

Здравствуйте весь коллектив моего (да и не только) любимого журнала! Я, Алерский Вячеслав Григорьевич, житель Гагаринского района, что расположен на северо-востоке Свердловской области. Охотой одержим с детства, а точнее с 12 лет, сейчас мне 51, так что стаж приличный и опыта не занимать. Всю жизнь прожил и проохотившись в очень благодатных местах, я приобрел массу впечатлений. У охотничьих костров слышал множество правдивых историй (в наших северных местах приукрашивать реальность не имеет смысла). И благодаря хорошей памяти и гуманитарному складу ума, помню все и могу с легкостью пере-

Вячеслав Григорьевич Алерский

нести на бумагу. В конце 80-х я начал писать стихи на охотничью тему и уже печатался, но случилась беда — утонул мой маленький сынишка, и я поставил своего «Пегаса» в стойло на долгие 17 лет. Но сейчас, выйдя на пенсию и имея свободное время, решил снова взяться за перо, кто знает, может, через меня и другие люди узнают, чем богат и славен Северный Урал.

Прошу не судить меня очень строго, ведь я поэт начинающий. А работал я в школе преподавателем НВП и физкультуры, начальником штаба МЧС района, председателем ДОСААФ, служащим районвоенкомата.

В. Алерский

Охотничья избушка

Там, где таежная речушка
Стремит свой беспокойный бег,
Стоит охотничья избушка,
Недолгий доживая век.
Глядит единственным окошком
Туда, где прямо за рекой
Неспелой ягодой-морозкой
Уходит солнце на порою.
Она радушно привечает
Охотника и рыбака.
Водой студеной угощает
Той, что течет из родника.
Укроет от дождя и снега,
Согреет ночью ледяной.
От теплой печки веет негой
И пахнет летом и сосной.
В кастрюле на печи клокочет
Таежный немудреный суп.
И кружка с кипятком щекочет
Края моих настывших губ.
Тепло, уютно, безмятежно.
Вот так бы и сидел без сна.
А за окошком шепчет нежно
О чем-то старая сосна.
И над тайгой осенней ночи
Стоит незыблемая тишь,
Лишь в уголке горбушку точит
Знакомая лесная мышь.

Сердца зов

Снова кружится в вальсе
Листьев опавших метель.
Снова меня качает
Осени колыбель.
Снова как в детстве раннем
Полнит восторгом грудь.
Осень пьянит дыханьем
И отправляет в путь.
В путь за волшебной птицей,
В путь за удачей шальной.
В край, где костер дымится
Под вековой сосной.
В край, где, сливаясь с небом,
Вечно стоит тайга.
В край, где ни разу не был
И не дошел пока.
Но непременно скоро
Я до него дойду.
Там, у закрайки бора,
Жаркий костер разведу.

Буду молчать и слушать
Шепот осенних ночей.
Утром встревожит душу
Взлет вороних косачей.
Сизым дымком куриться
Будут стволы ружья.
И над упавшей птицей
Грустно застыну я.
Будут под ноги падать
Листья, отжив свой век.
Будут печаль и радость,
Этим и жив человек.
Чтоб не забыть и помнить
Средь суеты бытия,
Снова стихами заполню
В сердце страничку я.

Предзимье (старая Русь)

Ноябрь! Пред белою тропой
Он самый щедрый, самый лучший.
Вот сеют снежною крупой
Над головой седые тучи.
И зеркала озер пусты.
И никнут у дорог кусты
Ветрами Севера обдуты.
Холмов печальные редуты
Глядятся в небо.
По утрам среди дворов
То тут, то там
Взвывается, в небо отлетая,
Сердца людские угнетая,
Как смерти неизбежный миг,
Скотины безысходный крик.
И ворон черной головою
Кружится в небе.
И на пир
Друзей гортанно созывает.
У будки сытый пес зевает.
И туша красная висит.
Хозяин ласково басит
И треплет пса по рыжей холке.
Бредут через болото волки,
Ступая бережно след в след.
Ноябрьский лес снежком одет
И тихо дремлет в сладкой неге.
На зиму убраны телеги.
И санный полоз-лихолет
Вдоль улиц весело поет,
Девчат кататься зазывая.
А к ночи, дико завывая,
Буран падет.
И вот опять
На утро землю не узнать.

Сравнились колеи и ямы.
И к лесу без дороги, прямо,
Полозьев убегают след.
Охотник по зиме одет,
В санях ружье и рукавицы.
А березняк обсели птицы,
Красуясь радужным пером.
Мужик, прижав ружье бедром,
На полку порох насыпает
И пыж кудельный забивает
В стволы с чеканным серебром.
А на селе, звеня ведром,
К колодцу женщина подходит
И речь с соседкою заводит.
А по дворам, согнувшись, бродит,
Тряся кудлатой головой,
Старик с заплатанной сумой.
И кто-то в кабаке выводит
Толь песню, толь протяжный вой...
Гудят колокола собора
Литым старинным серебром.
Хрустальным сыплот перебором,
Народ сзывая в Божий дом.
А ширь! А благодать какая!
На зиму окна утыкая,
Старушка щурится на свет.
Скользит по снегу легкий след
От облачков в небесной сини.
Да! Ничего прекрасней нет
Родной, заснеженной России!

Грустный мотив

Приметы осени глубокой,
Небес задумчивая хмури.
Холодный ветер ненароком
Грозит приходом снежных бурь.
На зеркалах озер остывших
Собрались уток табуны.
По плесу стежку проторивши,
Восходит яркий диск луны.
В ночной тиши звучит тревожно
Призывный крик отлетных стай.
Лиса крадется осторожно,
Спугнув подранка невзначай.
У берегов перед рассветом
Осоку опалит мороз.
И льдинки заблестят на ветвях,
Как капельки застывших слез.
Завоет ветер заунывно,
На сердце нагоняя грусть.
Да где-то прокричит надрывно
Отставший от станицы гусь.

Мои друзья — охотники Игринского района, специалисты своего дела, могут организовать успешную загонную охоту на лосей, провести облаву на волков, поймать капканом хитроумного зверя, сбить чирка на лету, воспитывать собак, охотиться на зайцев с гончими. Стреляют кабанов и медведей на овсах. Об одной медвежьей охоте хочу вам рассказать.

Не один десяток лет бродил я с ружьем. На опушках леса у полей (и не только у полей) видел много так называемых лабазов, на которых когда-то караулили зверя. Лабазы просто маломальские сидухи из одной-двух дощечек с полметра длиной, кое-как укрепленные на молодых березках. В смелости охотникам не откажешь, но беспечность они проявляют полную.

Вот что произошло с молодым охотоведом Александром Рафаиловичем Волковым. Опишу так, как запомнил его монолог, услышанный мною много лет назад.

«К вечеру я появился на овсах, на облюбованном заранее месте. Лабаз делать то ли времени не хватило, то ли поленился. Пристроил заранее припасенную дощечку на ветвях березки, забрался на нее и стал ждать медведя. То, что он сюда выходит, было видно: помят овес, да и тропа из болота проходила под березкой.

Еще засветло на поле вышла медведица с двумя медвежатами. Стрелять нельзя. Сажу, наблюдаю. Медвежата резвятся, медведица спокойна, смотрит за ними. Но вот что-то она почуяла, завидела носом, пригнувшись, стала смотреть на мою березу. Потом рывкнула. Медвежата кинулись к моей сидухе на тропу и умчались в болото. Мамаша, добежав до березы, на которой я сидел, заревела, поднялась на дыбы и давай скрести когти лапами. Березка качается, вершина дрожит. Вцепился в деревце, обняв его руками и ногами, только бы не сорваться! Кошу глазом на сидение, а дощечка движется

туда-сюда. Скоро конец ее выскользнет из развилки, сантиметр-два уже осталось, и свалюсь я прямо зверю в лапы. Но, побушевав, медведица ушла по тропе. Стал шевелиться, а она тут как тут, накинулась опять на березу, пытаюсь достать меня.

На болоте взвизгнул медвежонок. Мамаша отцепилась от березы и бросилась на зов. Через некоторое время я спустился и осмотрел место нападения. Кора сдрана выше моей поднятой руки, по всему стволу царапины от когтей и зубов. Сантиметров 20 не дотянулась она до моих сапог, а то бы стащила с дерева».

Сейчас Александр Рафаилович, наверное, скажет, и не такое бывало. Да, охотничья жизнь не предсказуема, нервы надо иметь крепкие! Встреча с медведем и сейчас возможна. А лабазы до сих пор те же...

А. ЧУБУКОВ
Удмуртия

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет ваш постоянный читатель и единственный подписчик в нашем селе. Хочу поблагодарить вас за замечательный журнал, который я жду всегда с нетерпением.

Я с детства люблю животных, лес, природу. Наша собака по кличке Джек — хороший охранник, а зимой катает внука Сашу на санках. Наш кот Вася делает мне каждый день массаж. Еще держим лошадь, которая нас кормит. В свое время держал в доме лисенка, барсучонка, косуленку, совенка, диких утят, детеныша ласки. Расскажу случай про лисенка.

Ходил я с собакой по лесу и погналась она за лисой. Потом вижу, что-то обнюхивает на земле. Подошел ближе и увидел, что это был лисенок, совсем крохотный. Видать, лисица перетаскивала своих детенышей и одного выронила. Принес малыша домой, назвал Пургой. Стал кормить молоком. В это время окотилась кошка. Подложил ей, и она приняла нового детеныша, и уделяла ему внимания больше, чем

Фото М. Вакитова

котят, чистила и облизывала. Кому ни рассказывал, никто не верил!

Лисенок вырос, сначала начал играть с котятами, а потом душить их. Мне пришлось посадить его в клетку. Потом стал брать лисицу в лес вместе с собаками. Кормил ее в основном мясом, но она еще очень любила конфеты, сама доставала из кармана. Прожила она у меня три года, а потом убежала.

М. ВАКИТОВ
Челябинская обл.

Здравствуй, дорогая редакция! Мы с мужем Сашей очень любим ваш журнал, каждый номер ждем с нетерпением. У нас имеются подписки за все годы. Теперь их читают наши сыновья. В журнале очень много полезных статей, интересных рассказов и изумительных фотографий.

Живем мы на Крайнем Севере в поселке. Зимой все вокруг белым-бело, глазу зацепиться не за что. А летом и осенью — какие краски!

Мой муж очень любит охотиться и рыбачить — еще со школьной скамьи. А любимая его техника — снегоход «Буран». В молодости Саша работал в геологии. И сейчас говорит, что это была его самая любимая работа. За 12 лет он побывал во многих уголках нашего края. И еще большая Сашина любовь — горы.

Очень хочется для любимого человека сделать приятный сюрприз. Дело в том, что в мае Саша отметил свой 50-летний юбилей, а в марте нашему сыну исполнилось 16 лет. Сашину другу Володе скоро тоже исполнится 50 лет. На присланной вам фотографии они все вместе. Опубликуйте ее, пожалуйста, вместе с поздравлениями.

Н. ЛОЩИННА
Респ. Коми

Было начало декабря. Увидев меня с ружьем и в маскхалате, моя выжловка Зымка заливается радостным лаем. Выпущенная с привязи, радостно носится кругами по огороду. Повалявшись в снегу, с ходу прыгает через перелаз и, изредка оглядываясь, трусит к лесу. В лесу у нас свои, строго расписанные обязанности: я держусь дороги, Зымка — чащи. Не проходит и часа, как на старой лесосеке у озера раздается ее радостный лай. Спешу на перехват, но не успеваю, через дорогу рыжим шаром перескакивает лиса. Зымка на хвосте, гон уходит...

Зымка-трудяга зверя не бросит, даже ночью будет гнать до конца. Но вдруг справа раздается топот и треск, по гонному следу бежит огромная собака. Да это же волк! Он остановился, повернул голову к гону, стоит, видимо, просчитывая ситуацию. До него нет и 30 метров. Мушка верно садится чуть ниже правой лопатки. Оглушительный выстрел рвет тишину, волк приседает, громко по собачьи взвизгнув, тяжелым махом вылетает на бугор. Снова выстрел и все повторяется. Ну дела! Слабость в ногах и во всем теле, зверь ушел!

Спотыкаясь в осоке, бегу к месту стрела. На осоке всюду волчий пух и брызги крови. Неожиданно сзади раздается яростный зарев. Вижу, как по волчьему следу пролетает Зымка. Ее не узнать: горячие яростью глаза, от вздыбленной на спине шерсти она кажется в два раза крупнее. Видимо, оказавшись рядом, она прибежала на выстрел и наткнулась на кровавый след закланного врага. Гон повернул на родники, ломлюсь к озеру напрямую. Вот дорога к озеру, вот входной след волка, вот еще один. Значит, волков было двое! Видимо, они услышали голос собаки и решили ею закусить.

Я остановился перевести дух. Пот заливает глаза. Вытираю лицо снегом. Лай теперь на месте как по кабану, только более азартный. Ос-

торожно подхожу. Зымка издали облаивает таловый куст. Увидев меня, смело лезет в него и тут же с визгом, поджав хвост, вылетает. Палец на спуске, подхожу ближе. И вот из куста спотыкаясь, выходит волчица. Смотрит на меня, но тут же падает, подброшенный выстрелом картечи. Но и к убитому зверю боится подходить собака, делает торопливые щепки и отскакивает назад. Тяжел матерый кобелина, с частыми передышками волоку его к дороге.

Зымка после работала по волку, но только накоротке, не сходя со слуха, но добывать при ней зверя больше не доводилось. А волчица к концу зимы привела себе другого мужа...

А. НИКОНОВ
Волгоградская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне хотелось бы поделиться с любимым журналом и его читателями своей методикой чистки нарезного, не хромированного ствола. И если мой опыт поможет кому-нибудь, я буду очень рад.

А начать необходимо с истории вопроса. До 1998 года в течение 10 лет я охотился с гладкоствольным оружием и особых проблем с чисткой не возникало: протер ершом хромированные стволы, смазал — и все. В 1998 г. я приобрел карабин КО-38 калибра 7,62*54, год выпуска — 1941. Карабин я взял «с рук» и был он в отличном состоянии: кучность боя полуболюченной пулей массой 13,2 г на 100 м составляет 10 см (стрельба лежа, без упора).

И все бы меня в этом оружии устроило, но ствол был не хромирован. А это значит, что после каждой стрельбы, даже после одного-единственного выстрела карабин приходилось длительное время чистить и повторять чистку на второй и на третий день, так как в течение суток из стенок ствола грязь как бы «вылезала» наружу.

Я пробовал чистить керосином, щелочным ружейным маслом, чистым маслом и даже делал РЧС — все равно

одной-двух чисток было недостаточно, чтобы ствол имел зеркальный блеск. Капроновые ершики, которые продаются в магазинах, уходили через 5—6 циклов чистки.

И тут мне в голову пришла идея, а не попробовать ли чистить карабин как чистили мои деды ружья после стрельбы дымным порохом. Выглядело это так: стволы поливали крутым кипятком, затем протирали тряпкой с мылом и снова проливали. Получался зеркальный блеск не хромированных стволов. Легко и просто. Попробовал — впечатлило. И с тех пор уже пять лет чищу карабин таким способом: сразу после стрельбы проливаю ствол 1 л кипятка, затем опускаю

капроновый ершик во все известные моющие средства и в течение трех минут чищу ствол. Затем еще литр кипятка и снова чистка. И так до тех пор, пока не будет чисто белая пена. Смываю эту пену, протираю насухо ствол и смазываю вазелиновым маслом. Повторная чистка на следующий день не требуется, ствол блестит как хромированный, своих боевых свойств не теряет, признаков коррозии нет.

И еще. Для предотвращения растрескивания дульного конца ствола при чистке на шомпол я надел пластиковую трубочку от капельницы — помогает, контакта шомпола со стволом нет.

Н. ИВАНОВ
Тверская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция «Охота и охотничье хозяйство»! Пишет вам курсант Тюменского Высшего Военного Инженерного Командного училища Павленко Никита. Я был вашим постоянным читателем еще до поступления в училище. Кроме того, мой отец хранит дома журналы с 1961 года, которые ему передал его отец, и у нас получилась серьезная коллекция, которая достанется мне по наследству.

Сейчас, к сожалению, за-

ниматься охотой я не могу, поскольку отпуск не совпадает с открытием охоты. Мне остается только вспоминать наши охоты с отцом, а брал он меня с собой с 8-летнего возраста, и как он учил меня стрелять и выслеживать зверя. Я горжусь тем, что у меня отец охотник, и бесконечно ему благодарен.

Опубликуйте, пожалуйста, нашу с ним фотографию примерно того периода.

Н. ПАВЛЕНКО
г. Тюмень

Никита Павленко с отцом

Цена выстрела

Лось, трехгодовалый самец, пересек старую лыжню и спустился в овраг, густо поросший по краям лесом. Следы были абсолютно свежие, утренние, и мой партнер, с полуслова поняв меня, тронулся на лыжах по правому склону оврага, а я, срезав метров пятьсот изгиба оврага, пошел на «номер». Восточный ветер дул прямо со стороны лося, а мягкий глубокий снег глушил шум неосторожных шагов. Белые костюмы делали нас совершенно незаметными среди белых снегов и белых берез.

Лось уже кормился ивняком на дне оврага метрах в восьмидесяти от меня. После выстрела он пропахал брюхом глубокий снег, тяжело поднялся на противоположную сторону оврага и свалился мертвым на небольшой вырубке среди молодых берез и осин. Круглая пуля, слегка задев центральное ребро, пробила все жизненно важные органы и застряла с другой стороны туши в шкуре. Тщательно осмотрев пулю, я пришел к выводу, что она может быть пригодна еще раз для стрельбы по медведю. Воображение сразу же нарисовало несколько картин, финалом которых был триумф: одной пулей лося и медведя.

Наверное, это был бы уникальный, возможно единственный, случай во всех охотничьих историях разных времен. Реализация его давала мне серьезный повод учить многих коллег, как нужно стрелять, и бесспорно поднимала авторитет среди многочисленного племени охотников. Кроме того, сам факт охоты на лосей и медведей высоко ценился знатоками, а отстрелять одной пулей двух крупных зверей было верхом совершенства в охотничьей практике. Во имя этого стоило поработать.

Через полмесяца я получил приглашение принять участие в охоте на медведя в одном из отдаленных районов. Звонил лесник, опытный охотник и рыбак, с которым мы не раз бывали в тайге, на берегах таежных речек, при обследовании лесных массивов.

Добираться до места пришлось машиной, затем на «Буране» до избушки лесника и там до берлоги на лыжах. Для преодоления этого расстояния потребовались без малого сутки.

Переночевали в избушке. Утром проверили пулевые патроны, подправили охотничьи ножи, еще раз осмотрели лыжные крепления и тронулись к берлоге. Погода благоприятствовала медвежьей охоте. Небольшой мороз практически без ветра и неглубокий снег создавали хорошие предпосылки для успеха. Обходя ветроваль и валежник стороной, мы медленно двигались к цели. От обоих валил пар, но короткий световой день не давал возможности хотя бы для краткого отдыха. И странное дело, чем ближе мы продвигались к берлоге, тем сильнее нарастало беспокойство и таяла уверенность в счастливом исходе.

Темнохвойная перестойная тайга и сгущающиеся сумерки создавали угнетающую обстановку. Мощные медвежьи заряды в тяжелых двенадцатого калибра ружьях уже не казались надежной защитой, потому что необходимо было становиться в двух-трех метрах от берлоги и шестом выпугивать медведя. В случае малейшей оплошности или неточного выстрела разъяренный зверь может задать такую трепку, после которой охотников не приняла бы ни одна больница. Однако охотничий азарт оправдывал все возможные тяжелые последствия, плюс к этому удачный выстрел по не менее крепкому на рывок лосю и уже пристрелянная круглая пуля притупляли чувство страха.

Не доходя до берлоги метров сто, сняли ружья, стали переговариваться шепотом. Место глухое, с дремучими елями по южному склону оврага, с пустырями в виде

вывороченным ветром с корнями перестойных деревьев, относительно сухими в любое время года. Оно специально выбрано медведем для долгой зимней спячки. Не одно поколение медведей здесь и в подобных этому местах благополучно отлеживалось до весны. И лесник, осваивая новые уголья для ловли куниц, случайно обнаружил берлогу за три недели до нашего прихода.

Его появление в этих диких, Богом забытых угольях, строительство охотничьей избушки послужило фактором беспокойства для аборигенов таежных лесов.

Медведь, самый крупный и сильный хищник таежных лесов, среагировал на появление лесника еще до нашего прихода. От берлоги вниз по склону оврага вели заваленные снегом следы хозяина тайги.

Охота непредсказуема. Из одних берлог медведь выходит только после мощных неоднократных ударов по нему толстым шестом, из других он убегает при подходе охотников к отдушине (челу), а здесь умный медведь выбрал более удобный и безопасный момент: пропустил лесника и затем оставил теплое место. Пришлось возвращаться в избушку и далее по уже пройденному маршруту — домой.

Пуля оказалась невостребованной, но надежда на повторный точный выстрел не покидала меня. Добыть с помощью этой же пули еще и медведя оказалось весьма сложным делом. И первый выход на берлогу, как зловещий блин, получился комом. На осень наметил новый способ охоты. В конце сентября завез на овсяное поле мясную приваду, сделал надежный лабаз и с вечера до рассвета терпеливо сторожил зверя. Расчет был на то, что медведи, кормившиеся на овсах, соблазняются тухлым мясом и подойдут на верный выстрел.

Так оно и случилось. Первым, причем до наступления темноты, пришел несколько необычный зверь. Мне с высоты полутораметрового лабаза показалось, что за кустами стоит белая собака, очень похожая на собаку лесничего. Откуда она могла взяться в это время и почему прячется за кустами, а не идет прямо к мясу, для меня было загадкой. Странно и то, что она вышла из леса абсолютно бесшумно, как призрак. И только приглядевшись более тщательно, смог полностью увидеть силуэт медведя, стоявшего за кустами. Медведя, напоминавшего помесь бурого с белым. Задняя половина туловища зверя была темно-бурой и трудно заметной на фоне обросших коричневым мхом перестойных деревьев и побуревшей от осенних дождей и заморозков опавшей листвы.

Медведь как бы размышлял, что делать. Не спешил, тщательно вынюхивал и высматривал возможную опасность. Мохнатые уши, как локаторы, ловили малейший шорох. Плотные кусты ивы, ольхи и рябины надежно скрывали его от пули, и хотя дистанция была всего около десяти метров, риск упустить медведя был очень велик. Разобравшись в обстановке, зверь развернулся и под прикрытием кустов отошел от лабаза, а затем вышел на скошенное поле. Освещенный заходящим солнцем, он встал на задние лапы, будто позировал мне. Это был великолепный экземпляр, красивый, с крупным белым воротником, не менее двух метров роста. Если учесть, что с такой окраской бурые медведи в природе большая редкость, то ценность трофея значительно возрастала. Но опыт подсказывал, что стрелять нельзя, необходимо проявить предельную выдержку. Даже тяжело раненный с этой дистанции медведь уйдет далеко и погибнет без пользы. Кроме того, оставалась еще надежда, что зверь придет повторно, так как он зафиксировал выложенную приваду. Нужно было использовать этот шанс.

Солнце садилось за горизонт. Быстро темнело. Потянуло ветром, и небо потихоньку затягивало тучами. Опасаясь быть обнаруженным медведем, я не шевелился, не смотрел на часы и ничем не выдавал своего присутствия. Скоро стемнело так, что не видно было ружья и перекладыны, на которую оно опиралось, не говоря уже о приваде, кустах и деревьях. Все слилось в единую черную тьму. Я потерял ориентиры во времени. Иногда казалось, что сижу в закрытом наглухо холодном погребе. Страшно затекли ноги. Онемевшие пальцы рук сжимали холодную сталь ружья. За девять ночей на лабазе запах от меня шел такой же, как от привады, берез, травы и прелых листьев.

Как подошел медведь, я не видел и не слышал, но сразу же почувствовал, что он уже здесь, подо мною. Какие-то импульсы тревоги передавались мне, словно очень слабым током по проводам. Может быть, я уловил запах, который шел от громадной массы стоящего рядом дикого зверя. Он пришел кормиться и через минуту стал дробить зубами кости, чавкать и шумно для этого осторожного зверя сопеть. Полная темнота гарантировала медведю безопасность. Но темнота давала и мне относительную свободу действий. Учитывая возможное ограничение видимости, я еще вечером наводил несколько раз ружье на приваду, точно запоминая направление стволов по доступным даже промозглой ночью ориентирам. Все это делалось бесшумно и с минимальным количеством движений. Укрепляла надежду и беспечность зверя, жравшего приваду всего в семи метрах от охотника. Оставалось одно — подвести итог этой сверхнапряженной, с точки зрения человеческих возможностей, охоты.

Плотно прижав к плечу служившую мне безотказно двадцать лет тульскую вертикалку, мысленно отметил, что полукоковое сужение нижнего ствола свободно пропустит пулю, усилит первоначальную скорость полета, что тяжелая круглая пуля при удачном попадании раз-

дробит зверю крупные кости и парализует его мощь. Но нужно попасть...

Два раза наводил ружье в направлении шевелящегося пятна и все не решался нажать на спусковой крючок. Слишком сильно было желание не упустить добычу. Обстоятельства словно испытывали меня на хладнокровие и выдержку. Стрелять вслепую мне еще не приходилось.

Огонь, вырвавшийся из ствола, на миг осветил темную тушу медведя. Последовал ужасный рев и резкий прыжок зверя параллельно лабазу в лес. Этого мгновения хватило для второго выстрела. «Турбинка» громко ударила в ствол дерева — промах. Минут десять внимательно слушал возможный шум, треск валежника и сучьев. Все было тихо. Непослушными, словно ватными ногами нащупал твердые нижние сучья дерева и спустился вниз. Осветил карманном фонариком приваду и увидел четкие глубокие вмятины со следами длинных когтей только что прыгнувшего зверя. Побрел, спотыкаясь о комыря грязи, в отвратительном настроении в избушку.

Почему-то не было твердой уверенности, что и первая пуля легла «по месту». Но все-таки еще теплилась надежда, что зверь свалится и это его последний, предсмертный прыжок. Подобные случаи у меня были.

Утром ни крови, ни выбитой из медведя шерсти не обнаружил. Не нашел и следов круглой пули в земле. Был рикошет. Круглые пули обладают этим недостатком в большей степени, чем пули других форм. Официально их запрещено применять на облавах с большим количеством охотников. Я знал об этом. Более того, от рикошета именно этими пулями ушли невредимыми от меня три лося и один медведь. Но из принципиальных соображений не стал менять счастливую пулю. Хотелось испытать охотничью судьбу. Испытал. И теперь память вечно будет хранить этот неудавшийся ночной выстрел.

Б. КОВАЛЕВ
г. Сыктывкар

МОНГОЛЬСКИЕ ТОВАРЫ

Изделия из верблюжьей шерсти

Для охотников и рыболовов предлагаем изделия из верблюжьей шерсти:

Мешок спальный однослойный - 2800, 2-слойный - 3200 Жилет - 2000 Наколенник - 350 Джемпер - 1700

Стельки - 90 Шапка - 500 Шарф - 600 Бинт эласт. - 130 Носки - 135 Тапочки - 200 Перчатки - 150

Пояс - 500 (Цены даны в рублях)

Изделия не обработаны химикатами и красителями, сохраняют полезные свойства и долговечны.

Уникальное строение верблюжьего волоса (полый внутри) регулирует тепловой обмен, способствует поглощению влаги

Адреса: Москва, ВВЦ, пав. 71,

г. Жуковский Московской обл., ул. Чкалова, 2А
магазин "Монгольские товары"

Цены на товары и условия доставки по тел.:

8(926) 337-31-57, Бурыкина Наталья Юрьевна

E-MAIL: GUDKOVA2000@MAIL.RU

ДОМСКИЙ И., ШИРЯЕВ В. Цитадель охотоведческой науки	1
НАЙДЕНОВ А., КИСЛИЦИНА Н. «ЦКИБ СОО» МЦ 551 под 8x68S	3
ЧУГУНИХИН О. Каменный пояс	4
ТРУШИН О. Дерзкий побег	7
СЕВАСТЬЯНОВ А. Зимние фотоохоты	8
РУКОВСКИЙ Н. Енот — это кто?	10
ВАШУКЕВИЧ Ю., ЖАРОВ О., КАМБАЛИН В. и др. Славный юбилей. Владиславу Константиновичу Мельникову исполнилось 70 лет	12
ЖИТЕНЁВ Д. Советы бывалых охотников. Волокуши и нарты	14
ТИШКЕВИЧ С. Каннибализм камчатских медведей	16
БЛОМА Загонные охоты на копытных	18
ГИБЕТ Л. 10-я Всероссийская выставка охотничьих собак	21
ГРЕКОВ В. Англичанка Аза	26
БЛОМА Тройники на охоте	28
МАМОНОВ Л. Охота на козерога	31
БУЛГАКОВ М. Русские писатели-охотники. Юрий Маркович Нагибин (1920—1994)	34
НАГИБИН Ю. Погоня	36
АЛЁХИН И. Выручил случай	40
АЛЕРСКИЙ В. Стихи	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	30, 47
ШИШКИН В. Воробьиные	48

Редакция приглашает к сотрудничеству рекламные агентства и рекламных агентов. Обращаться по телефону 607-20-91

Главный редактор **О. К. Гусев**

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**

Художник **Т. В. Баженов**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**

Корректор **З. М. Данилова**

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 29.08.07 г. Подписано к печати 01.10.07 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28 000 экз. Заказ 331. Цена 40 руб.

Адрес редакции: **107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18**
Тел.: **607-24-05, 607-20-91**

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00

отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

ВОРОБЬИНЫЕ

Отряд Воробьиных мы завершаем описанием овсянок. Объем семейства дискусионен, как минимум 170 видов. В широкой трактовке (до 600 видов) настоящих овсянок сближают с вьюрками (№ 8, 9) и другими конусоклювыми воробьиными, которым свойственна зерноядность. Летом в рационе много насекомых, ими же овсянки выкармливают птенцов. Гнездятся отдельными парами. Гнездо обычно на земле, хорошо укрыто. Распространены от полярных областей до пустынь. Как правило перелетны. Размеры большинства видов с воробья. Самки окрашены тусклее самцов.

Наиболее известна **обыкновенная овсянка** (вес около 30 г, размах крыльев до 30 см), гнездящаяся от Карелии до Байкала, от лесотундры до лесостепи, предпочитающая опушечные биотопы, окраины поселков. У самца передняя часть тела лимонно-желтая, под щекой, над и за глазом — темные полоски. Красно-коричневые бока зоба, надхвостье, спина, на которой имеются продольные темные пестрины. «Се-но не-си, да не тра-си-и-и» — как будто высвистывает этот ранний вестник весны. За звучный посвист его часто держат на правах домашнего любимца, используют для обучения канареек. Похож на самца обыкновенной самец **городной овсянки**, редкий гость у нас из Южной Европы. Отличается черным горлом и узкой маской, серыми теменем, надхвостьем, кольцом от зоба до зашейки. От Урала до Дальнего Востока гнездится **белощапочная овсянка** с белыми щеками и теменем, окаймленными черным у самцов, с белым зобом и белым брюхом, горло, бока головы коричнево-красные, более светлых тонов надхвостье, бока зоба, спина. В местах совместного обитания с обыкновенной овсянкой образует разнообразные гибридные формы. Примыкает к этой группе гнездящаяся в горах Ср. Азии, похожая на белощапочную, более мелкая **овсянка Стюарта**. На светлосерой голове самца заметны черные горло и маска. По югу лесной зоны, в лесостепи, предгорьях (до Алтая) встречается **садовая овсянка**, включенная в Красные книги ряда центральных областей России. У самца голова серовато-желтоватая, лимонные усы и горло, основной цвет тела рыжеватокоричневый. На черноморское побережье Кавказа отмечен залет **красноклювой овсянки**, похожей на садовую, но у самца голова сизая, а усы и горло рыжие. От Дагестана до Алтая горные биотопы освоила **скальная овсянка**, похожая на садовую, но у самца серая голова, каштановый зоб, более светлая спина. Еще более привычна к горам (от Крыма до Тянь-Шаня) — **горная овсянка**. У самца на светлой голове надбровная черная полоса, узкая черная маска и усы. Далее на Восток (до Забайкалья) ее сменяет похожая **овсянка Годлевского**: у самца полосы на голове и часть маски коричневые. Самая большая наша овсянка (вес до 55 г) — **просьянка** (Белоруссия, Украина, юг России, Кавказ, Ср. Азия). Наряд обоих полов сходен — серовато-бурый с пестринами. Очень эффектны «южане» — крупные **черноголовая овсянка** (Кавказский регион) и **желчная** (от Прикаспия до Алтая). У самцов первой желтый цвет брюха контрастирует с черной головой, у самцов второй — с кирпично-красной. Околоводные биотопы освоила и широко распространилась, дав до 30 подвидов, **камышовая овсянка**. У самца черная голова, белые усы, зашеек, брюхо, коричневатый тон на крыльях и спине перемежается с темными участками оперения. На востоке Сибири камышовую замещает **полярная овсянка**, более мелкая, без коричневых тонов в оперении. Ее форма, с более тонкими пестринами на спине, буроватыми крыльями, гнездящаяся на полупустынных участках в Даурии и Туве, выделяется в отдельный вид — **монгольская овсянка**. К «лесным овсянкам» относятся широко распространенный **дубровник**, продолжающий продвигаться на Запад, почти совпадающий с ним по ареалу **овсянка-ремез** и самая мелкая (вес до 20 г) **овсянка-крошка**, гнездящаяся еще дальше к Северу (до тундр). Красив самец дубровника с лимонной брюшной стороной, шоколадной спинной, черной маской, белой полосой на крыле и коричневой — поперек зоба. У самца «ремеза» черная маска и темя контрастируют с белыми бровями, горлом и усами; зашеек, надхвостье, бока, часть крыльев светло-коричневые. У самца «крошки» на красно-коричневой голове заметны черные надбровники и заглазничная полоса. Настоящие жители тундр **лапландский подорожник** (у самца черные голова и зоб, каштановый зашеек) и чернобелая (летом) **пуночка** (зимой появляются рыжие тона), вес до 50 г. На Чукотку залетает из Америки **островная пуночка**, самец летом блещет почти целиком.

В. ШИШКИН

Горная овсянка, самец

Пуночка, самец в летнем и зимнем наряде

Лапландский подорожник, самец

Овсянка Годлевского, самец

Полярная овсянка, самец

Овсянка Стюарта, самец

Белошапочная овсянка, самец

Скальная овсянка, самец

Обыкновенная овсянка, самец и самка

Овсянка-ремез, самец

Просьянка, самец

Овсянка крошка, самец

Огородная овсянка, самец

Садовая овсянка, самец

Красноклювая овсянка, самец

Монгольская овсянка, самец

Дубровник, самец

Камышовая овсянка, самец

Черноголовая овсянка, самец

Желчная овсянка, самец

обыкновенная овсянка

10-АЯ ЮБИЛЕЙНАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ОХОТНИЧЬИХ СОБАК

Индекс 7067 на полгода. Цена 40 рублей

Волгоградская областная универсальная научная библиотека

www.voblib.ru

USSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство, 2007. № 11. 1—48.